

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Международный исторический журнал «Русин»



**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

XII Международная научная конференция

16 – 17 марта 2026 года

ПРОГРАММА

ТЕЗИСЫ



**Конференция проводится при поддержке
Программы развития Томского государственного университета
(Приоритет-2030)**

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – председатель

ТУБАЛОВА Инна Витальевна – зам. председателя

ФИЛЬ Юлия Вадимовна – зам. председателя

Члены оргкомитета

КУРЬЯНОВИЧ Анна Владимировна

ОГЛЕЗНЕВА Елена Александровна

ТОЛСТИК Светлана Александровна

ЭМЕР Юлия Антоновна

ВОСКОБОЕВА Полина Петровна – секретарь

СОСТАВ ПРОГРАММНОГО КОМИТЕТА

ДРОНОВА Любовь Петровна (Томск, Россия) – председатель

СУЛЯК Сергей Георгиевич (Санкт-Петербург, Россия) –
заместитель председателя

АНАНЬЕВА Наталья Евгеньевна (Москва, Россия)

БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна (Екатеринбург/Москва, Россия)

ДЫБО Анна Владимировна (Москва/Томск, Россия)

РУТ Мария Эдуардовна (Екатеринбург, Россия)

СОБОЛЕВ Андрей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)

Формат работы конференции

16 марта – смешанный (очно / онлайн ¹)

Открытие конференции

Малый конференц-зал, Научная библиотека ТГУ
(пр. Ленина, 34 а) / online

Пленарное заседание

Малый конференц-зал, Научная библиотека ТГУ
(пр. Ленина, 34 а) / online

Работа секции 1

Малый конференц-зал, Научная библиотека ТГУ
(пр. Ленина, 34 а) / online

17 марта – смешанный (очно / онлайн)

Работа секций

ауд. № 15, 23 – 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34), комната для групповой работы 8 – Научная библиотека ТГУ (пр. Ленина, 34 а) / online

Заккрытие конференции

ауд. № 15 – 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online

Регламент работы конференции:

- ✓ *пленарный доклад с обсуждением* – 30 минут (доклад 20 мин., 10 мин. – вопросы, обсуждение)
- ✓ *секционный доклад* – 20 минут (доклад 10-15 мин., 5-10 мин. – обсуждение)

Рабочие языки конференции: русский, другие славянские (синхронный перевод не предусмотрен)

Время конференции: **МОСКОВСКОЕ**

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

16 МАРТА 2026 г.

**Открытие конференции
09:00 – 09:20**

**Пленарное заседание
09:20 – 12:30**

Заседания секций

Секция 1. <i>Славянские языки: когнитивный аспект</i>	16 марта 13:15 – 15:15
Секция 2. <i>Славянские языки: компаративные исследования</i>	17 марта 09:00 – 11:20
Секция 3. <i>Славянские языки: историко-филологические аспекты</i>	17 марта 09:00 – 11:20
Секция 4. <i>Славянские языки: дискурсивный аспект</i>	17 марта 09:00 – 11:40
Секция 5. <i>Языковые контактирования: социальные, когнитивные, психолингвистические аспекты</i>	17 марта 09:00 – 12:00

**17 марта
Заккрытие конференции
12:00 – 12:30**

Программа
XII Международная научная конференция
«Славянские языки в условиях современных вызовов»

16 МАРТА 2026 г.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Научная библиотека, малый конференц-зал ¹

09:00 – 09:20

Приветствия участникам конференции

- главного редактора журнала «Русин» **С. Г. Суляка**
- председателя оргкомитета конференции **З. И. Резановой**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Научная библиотека, малый конференц-зал

09:20 – 12:30

Сопредседатели:

Суляк Сергей Георгиевич

Резанова Зоя Ивановна

09:20 – 09:50 Мокиенко Валерий Михайлович, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Бедность и богатство в зеркале русинской паремиологии

09:50 – 10:20 Оглезнева Елена Александровна, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Труды А. П. Георгиевского по изучению русских, украинских и белорусских говоров на Дальнем Востоке в 20-30-е гг. XX в. в свете современной социолингвистики

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

10:20 – 10:50 Суляк Сергей Георгиевич, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
Деятельность о. Иоанна Наумовича в России

ПЕРЕРЫВ 10:50 – 10:55

10:55 – 11:25 Катермина Вероника Викторовна, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Логутенкова Ольга Николаевна, Русская школа Пафоса, г. Пафос (Кипр)

Прагматические функции смешанного письма в цифровой коммуникации кипрской славянской диаспоры

11:25 – 11:55 Ташлыкова Марина Борисовна, Бурова Евгения Евгеньевна, Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Семантика неконтролируемости в смысловой структуре русских фразем с существительным СЛУЧАЙ и их чешских соответствий

11:55 – 12:30 Шишигин Кирилл Александрович, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Бадер Оксана Викторовна, Германская академия профессиональной подготовки и переподготовки, г. Розенхайм (Германия).

Сравнительная типология идишских и русинских префиксальных глаголов

ПЕРЕРЫВ 12:30 – 13:15

СЕКЦИЯ 1

Славянские языки: когнитивный аспект

Научная библиотека, малый конференц-зал¹

Сопредседатели:

Курьянович Анна Владимировна

Искандарова Дилоро Мукаддасовна

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

13:15 – 13:35 Савченко Александр Викторович, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй (Тайвань), Хмелевский Михаил Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

«Конь» и «лошадь» в славянских языках и культуре: фразеология, прецедентность, сленг

13:35 – 13:55 Искандарова Дилоро Мукаддасовна, Российско-Таджикский Славянский университет, г. Душанбе (Таджикистан)

Эволюция концепта «Рус» в персидско-таджикской поэзии X-XV вв.: от этнонима к метафоре

13:55 – 14:15 Курьянович Анна Владимировна, Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Представление о славянских языках и народах в сознании современных африканцев: мифы, стереотипы и реальность

14:15 – 14:35 Пименова Марина Владимировна, Международный гуманитарный университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Санкт-Петербург

Теоморфные признаки судьбы в славянских лингвокультурах

14:35 – 14:55 Сивова Татьяна Викторовна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Цветовая репрезентация клевера (на материале Белорусского N-корпуса и Национального корпуса русского языка)

14:55 – 15:15 Шестак Лариса Анатольевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград

Польская государственная символика и эмблематика в преподавании языка и культуры

СЕКЦИЯ 2

Славянские языки: Компаративные исследования

Ауд. 23 (3 корпус ТГУ)¹

Сопредседатели:

Филь Юлия Вадимовна

Михайлова Ирина Дмитриевна

17 МАРТА

09:00 – 11:20

09:00 – 09:20 **Голев Николай Данилович**, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Русский язык в аспекте его переводимости на другие славянские языки (на материале обратных машинных переводов 6 русскоязычных художественных текстов)

09:20 – 09:40 **Алёшина Олеся Сергеевна, Филь Юлия Вадимовна**, Томский государственный университет, г. Томск

Префиксальные маркеры неполноты действия в украинском и русском языках

09:40 – 10:00 **Иванова Ирина Евгеньевна**, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Обособление обстоятельств, выраженных предложно-падежными сочетаниями и наречиями, в сербском языке в сопоставлении с русским

10:00 – 10:20 **Бобырь Елизавета Андреевна**, Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург

Лингвистические особенности переводов морской терминологии в славянских языках

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

10:20 – 10:40 Михайлова Ирина Дмитриевна, Московский городской педагогический университет, г. Москва

Феномен связанных корней в современных славянских языках

10:40 – 11:00 Вострова Юлия Александровна, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск, **Серышева Юлия Вячеславовна**, Томский политехнический университет, г. Томск **Филь Юлия Вадимовна**, Томский государственный университет, г. Томск;

Сгорѣти или *съвъскръснѣти*? Об одной префиксальной модели в древнегреческом, старославянском и русском языках

11:00 – 11:20 Щербачук Лидия Федоровна, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Метафоризация анималистического кода культуры в славянской фразеологии (на материале русского и польского языков)

СЕКЦИЯ 3

*Славянские языки: историко-филологические аспекты*¹

17 МАРТА

09:00 – 11:20

Сопредседатели:

Дронова Любовь Петровна

Толстик Светлана Александровна

09:00 – 09:20 Алексеева Екатерина Александровна, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, г. Саратов

Концепция слова в восточно-христианской традиции

09:20 – 09:40 Бекасова Елена Николаевна, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

К проблеме генезиса русского литературного языка: второе южнославянское влияние

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

09:40 – 10:00 Дронова Любовь Петровна, Томский государственный университет, г. Томск

Историко-культурные связи русинской лексики со значением ‘наблюдать, замечать, помнить’

10:00 – 10.20 Садыкова Ирина Викторовна, Томский государственный университет, г. Томск

Лексика тактильного восприятия в южнославянских языках

10:20 – 10:40 Дягилева Ирина Борисовна, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

К истории славянских заимствований в русском языке

10:40 – 11:00 Пекунова Ирина Семеновна, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Архаические и инновационные ударения в глагольной парадигме (на материале древнесербских и древнерусских памятников)

11.00 – 11.20 Толстик Светлана Александровна, Томский государственный университет, г. Томск

Лексико-семантическое поле ‘ПОЛНЫЙ / ТОЛСТЫЙ МУЖЧИНА’ в истории русинского языка

СЕКЦИЯ 4

Славянские языки: дискурсивный аспект

Комната для групповой работы 8 (НБ ТГУ)¹

Сопредседатели:

Крюкова Лариса Борисовна

Руднев Дмитрий Владимирович

17 МАРТА

09:00 – 11:40

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

09:00 – 09:20 **Евпак Евгений Владимирович**, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Ценностные доминанты эпистолярия военнопленных (на материале личных писем чешских военнопленных (1916-1918 гг.) и сербских военнопленных (1941 г.)

09:20 – 09:40 **Крюкова Лариса Борисовна**, Томский государственный университет, г. Томск

Образ тумана в поэзии славянских символистов (перцептивный аспект)

09:40 – 10:00 **Жук Анастасия Ивановна**, Томский государственный университет, г. Томск

Юридический текст в условиях билингвизма и адаптация формул сложности

10:00 – 10:20 **Резанова Зоя Ивановна, Владимирова Валерия Евгеньевна**, Томский государственный университет, г. Томск

Русский язык (родной и изучаемый) в системе билингвальной онлайн- и оффлайн-коммуникации

10:20 – 10:40 **Руднев Дмитрий Владимирович**, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Славянизмы в «Прикладах како пишутся комплименты разные» (1708): типы, функции, источники

10:40 – 11:00 **Марьянчик Виктория Анатольевна, Попова Лариса Владиславовна** Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, **Марьянчик Элина Вадимовна**, Карлов университет, г. Прага

Чешская конструкция «N jsou prostě N» как дискурсивная практика (в сопоставлении с русской фразеосхемой «N1 такие N1»)

11:00 – 11:20 Румянцева Ольга Сергеевна, Институт славяноведения Российской академии наук, г. Москва

Эзотерическая лексика в русской и польской интернет-коммуникации: семантические преобразования лексем энергия / energia и вибрации / wibracje

11:20 – 11:40 Пивоварчик Тамара Анатольевна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Китаизмы в русско- и белорусскоязычных текстах СМИ Беларуси: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты

СЕКЦИЯ 5

Языковые контактирования: социальные, когнитивные, психолингвистические аспекты

Ауд. 15 (3 корпус ТГУ)¹

Сопредседатели:

Оглезнева Елена Александровна

Пилипенко Глеб Петрович

17 МАРТА

09:00 – 12:00

09:00 – 09:20 Архипова Нина Геннадьевна, Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Лексика вышивки в говорах старообрядцев - реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России как результат межъязыкового и междиалектного контактирования

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

09:20 – 09:40 Пилипенко Глеб Петрович, Институт славяноведения Российской академии наук, г. Москва

Письма членов общины Русской православной церкви в Санта-Розе (Риу-Гранди-ду-Сул, Бразилия): лингвистическая специфика

09:40 – 10:00 Волкова Татьяна Федоровна, Томский политехнический университет, г. Томск, **Орлова Ольга Вячеславовна**, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Изменения в ментальном лексиконе инофона в ситуации русскоязычного лингвокультурного влияния (экспериментальное исследование)

10:00 – 10:20 Десятирикова Анастасия Александровна, Томский политехнический университет, г. Томск, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ (Китай)

Заимствования из китайского языка в речи русскоязычного сообщества приграничного китайского города Хэйхэ: особенности адаптации

10:20 – 10:40 Каприелова Виктория Валерьевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Семантическая адаптация русизмов сербским языком

10:40 – 11:00 Коршунова Ирина Сергеевна, Резанова Зоя Ивановна, Томский государственный университет, г. Томск

Зрительная перцепция в процессах концептуализации в славянских и тюркских языках (на материале русского и хакасского языков)

11:00 – 11:20 Ладыгина Ольга Владимировна, Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар

Место балачки в процессе самоидентификации молодежи в этноконтактной зоне (на примере студентов Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина и тюркских языках)

11:20 – 11:40 Монгуш Надежда Оттуковна, Томский государственный университет, г. Томск

Влияние тувинско-русского билингвизма на восприятие перцептивной семантики призначных слов русского языка

11:40 – 12:00 Сипливеня Жанна Семёновна, Бубнович Инна Ивановна, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Структура и функционирование в условиях белорусско-русского двуязычия прозвищ, мотивированных наименованиями особенностей конституции тела

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Ауд. 15 (3 корпус ТГУ)¹

12:00 – 12:30

¹ Ссылки для дистанционного участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции

ТЕЗИСЫ

КОНЦЕПЦИЯ СЛОВА В ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Алексеева Е. А.

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, г. Саратов

Поиск уникальных особенностей, отделяющих Западную Европу от Русского мира, которые искали и продолжают искать многие мыслители нельзя назвать легким делом. Тем более, если это касается сугубо лингвокультурологической сферы и связано с неоднозначностью терминологии, используемой русскими и западными исследователями. Разница в трактовке некоторых концептов в разных языках и научных дискурсах также может стать причиной всевозможных недоразумений и парадоксов. Задача усложняется, если объект исследования выходит в междисциплинарную область, «обрастая» при этом дополнительными смыслами и значениями.

Актуальность темы данной работы связана, во-первых, с исследованием причин особого понимания слова, появившегося в русской религиозной и философской среде в первой половине прошлого века. Во-вторых, актуальность работы обусловлена важностью этой проблемы для лингвистической семиотики и, прежде всего, для истории русской семиотической мысли относительно проблемы произвольности и непроизвольности языкового знака.

В основе концепции слова, сформированной русскими религиозными мыслителями, лежит тезис о том, что слово (или имя) обозначает не только вещь, но и ее идею. Связь между вещью и словом при этом не является случайной или произвольной, а зависит от сущности самой вещи. Это полностью противостоит сосюрровскому (произвольному) пониманию языкового знака. Корни такого понимания знака, то есть, слова, мы попытались найти в средневековой истории православного Востока времен противостояния Византийской и Римской Церквей в XI веке, когда обозначились серьезные различия между двумя соперничающими культурными мирами средневековой и ренессансной Европы – *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*. С целью проследить истоки формирования такого отношения к слову и языку были заимствованы примеры из важнейших славянских православных лингвистических памятников средневековья, в частности, из «Сказания о письменах» болгарского автора Константина Костенечского (XI–XV вв.).

В исследовании, затрагивающем лингвистику, философию языка и православное миропонимание, внимание сосредоточено на причинах, повлиявших на разницу в понимании роли и сущности слова и языка в среде отечественных ученых. В ходе исследования удалось установить, что взгляды русских религиозных мыслителей на лингвистические проблемы и, в частности, на проблему слова и языка, формировались с точки зрения православной религии. Особенностью их воззрений на язык являлось понимание его Божественной природы и провозглашения тезиса о непроизвольной природе слова (языкового знака), допускающем противоречие, заключавшееся в том, что все естественные языки в своем великом множестве, обладают универсальностью.

ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕПОЛНОТЫ ДЕЙСТВИЯ В УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Алёшина О. С., Филь Ю. В.

Томский государственный университет, г. Томск

В фокусе данного доклада находятся русские и украинские приставки *під-/под-* и *при-* (рус. *притормозить, приоткрыть, подсветить, подлить*; укр. *пригубити, приписувати, підлити, підфарбувати* и т.п.), выступающие в указанных и других славянских языках типичными средствами выражения деинтенсивной семантики, позволяющими называть действие, выполняемое не полностью, с перерывами, оцениваемое как дополнительное к основному, называемому глагольной основой. По мнению исследователей, наиболее ярким маркером семантики неполноты в славянских языках выступает приставка *при-*, в то время как префикс *під-/под-* проявляет в них меньшую деривационную активность в целом, в том числе в рассматриваемом значении. Выбор для анализа глаголов с приставками *під-/под-* и *при-* обусловлен противопоставленностью приставок по указанному параметру. Объектом исследования в докладе выступают русские и украинские глаголы с указанными префиксами и контексты их реализации, отобранные из параллельного русско-украинского корпуса Национального корпуса русского языка¹. Цель исследования – дополнить типологическое описание категории аспекта в славянских языках сопоставительными данными о частных значениях количественной аспектуальности (в данном случае – глагольной диминутивности) в русском и украинском языках, о возможностях префиксальных средств ее выражения.

Исследование строится на результатах работ, посвящённых вопросам славянской глагольной префиксации, номинативным особенностям приставок и особым функциям в семантическом насыщении глагола (А.В. Исаченко, М.А. Кронгауз, Н.Б. Лебедева, Е.В. Петрухина, О.М. Соколов, А.Н. Тихонов и др.), содержательным особенностям количественного типа категории аспектуальности, преобладающего в славянских языках (А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, Анна А. Зализняк, А.В. Исаченко, Ю.С. Маслов, М.А. Шелякин и др.), диминутивным единицам и их реализации в контексте, в том числе обусловленности варьирования оттенков их значения под влиянием внутрисловного и внесловного контекстов (А. Вежбицкая, М.Д. Воейкова, Е.А. Земская, З.И. Резанова и др.).

В докладе представлено сопоставление глаголов с приставками *під-/под-* и *при-* в русском и украинском языках, отмечены общие черты рассматриваемых единиц в двух языках и их различия, касающиеся частных значений глаголов с деинтенсивной семантикой и особенностей функционирования глаголов с каждой из приставок в двух языках. Обращение к данным параллельного русско-украинского корпуса (как с языком оригинала русским, так и с языком оригинала украинским) НКРЯ даёт богатый материал для изучения функционирования глаголов с семантикой неполноты.

Сопоставление контекстов с рассматриваемыми глаголами демонстрирует их передачу с одного языка на другой единицами с разной степенью эквивалентности (*подвывать – підвивати, прищелкивали – прицокували, приговаривает – примовляє, подгнивший – трухлявий, подрабатывает – трохи заробляє* и т.д.), дублирование семантики неполноты действия дополнительными словами-конкретизаторами (*слегка, немного; трохи, ледь* и др.), зависимость исследуемых глаголов от функционально-стилевых параметров текстов, востребованность изучаемых глаголов в художественной сфере и непроявленность в официально-деловой.

¹ Национальный корпус русского языка: URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.02.2026).

ЛЕКСИКА ВЫШИВКИ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ - РЕЭМИГРАНТОВ ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО И МЕЖДИАЛЕКТНОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ

Архипова Н. Г.

Амурский государственный университет, г. Благовещенск

В докладе представлен анализ лексики вышивки, бытующей в говорах старообрядцев-реэмигрантов, переселившихся в Амурскую область из стран Южной Америки в 2010-х гг. Актуальность исследования обусловлена уникальными особенностями языкового существования этой этноконфессиональной группы, на протяжении почти столетия развивавшейся в иноязычном окружении¹.

На материале экспедиционных данных анализируются основные группы лексики вышивки: наименования тканей и ниток, приспособлений для вышивки, лексика цветообозначения, наименования мотивов для вышивания. Выявлены и систематизированы процессы языковой и этнографической интерференции, приводящие к формированию особых номинаций, отражающих гибридный характер культуры старообрядцев, где русская диалектная основа переплетается с латиноамериканскими заимствованиями. Выделены и проанализированы ключевые способы адаптации заимствованной лексики в данной тематической группе: фонетическая и словообразовательная адаптация заимствований; лексико-грамматические гибридные образования, сочетающие иноязычную основу с русским грамматическим формантом и др.

Проведен сопоставительный анализ с лексикой вышивки в говорах алтайских «поляков» и семейских Забайкалья, что позволяет определить уникальные черты говоров южноамериканской ветви старообрядчества. Выявлены метафорические номинации с сохранением русской внутренней формы, отсутствующие в других говорах; отмечено синонимичное сосуществование русских диалектных слов с испанскими и английскими заимствованиями наименований тканей и ниток. Отмечено, что в говорах старообрядцев-реэмигрантов заимствования проникают в ядерные зоны ЛСГ «Вышивка»: в базовые цветообозначения, названия мотивов для вышивки, наименования тканей, а гибридные лексико-грамматические образования становятся нормой номинации.

Лексика вышивки рассматривается как семантическое объединение слов, имеющих различное диалектное и языковое происхождение; моделируется «ядро» и «периферия» лексико-семантической группы на основе значения, частотности, эмоционально-экспрессивной нейтральности, словообразовательной активности и др.

Особое внимание уделяется языковой идентификации ремесла. Зафиксировано использование испанских сочетаний «*bordados rusos*» (русская вышивка), «*ruso punto*» (русский шов/стежок), португальских сочетаний «*ponto russo*» (русская точка) для обозначения техники вышивания, что подчеркивает осознание этнической специфики вышивки в условиях иноязычного окружения.

Таким образом, лексика вышивки в говорах старообрядцев-реэмигрантов выполняет функцию культурного кода, сохраняя архаичные наименования, имея в активном употреблении гибридные формы и маркируя границы группы при противопоставлении «своей» вышивки «чужим» техникам.

¹ Архипова Н.Г. Явления лексической интерференции в речи старообрядцев – реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России // Русин. 2025. № 80. С. 166-184.

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Бекасова Е. Н.

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Феномен историко-культурного явления, впервые отмеченного А.И. Соболевским и названного им вторым южнославянским влиянием, вызывает неизменный интерес учёных, которые нередко констатируют его неопределённый статус, обусловленный как сохранностью источников, так и их недостаточной изученностью. Возрастающий интерес к динамично развивающейся эпохе XIV–XV вв. и выявление её отличий от других периодов, всё чаще именуемых как «первое» и «третье» южнославянское влияние, обусловил широкое включение понятия *второе южнославянское влияние* в учебные пособия по истории русского языка. Однако в научных исследованиях прослеживаются не только проблемы его терминологизации («второе» предполагает первое, «влияние» – экспансию, «южнославянское» отвергает византийское), но и диаметрально-противоположные оценки самого явления – от мифологизации причин, времени и следствий второго южнославянского явления до констатации возвращения к традициям письменности старшего периода и начала русского Предвозрождения.

Среди накопившихся спорных и нерешённых вопросов всё более расширяющегося объекта изучения (зодчество, литература, искусство) по-прежнему важным представляется исследование рукописей периода XIV–XV вв., в которых традиционно рассматриваются выделенные А.И. Соболевским графико-орфографические признаки южнославянского влияния. Среди них особо выделяются рефлексы праславянских сочетаний *dj, которые относятся к числу достоверных признаков разграничения восточнославянских и южнославянских элементов, определяющих не только генетический фон памятников древнерусской письменности, но и являющихся аргументами в построения гипотез происхождения русского литературного языка. В отличие от других генетически соотносительных рефлексов, достаточно чётко диагностирующих памятники древнерусской письменности, в представлении рефлексов *dj на русской почве, как правило, преобладал восточнославянский коррелят, нередко нарушавший генетическую чистоту текстов церковнославянского языка (русского извода). Большинство учёных усиление южнославянского по происхождению рефлекса *dj вслед за А.И. Соболевским относят к эпохе второго южнославянского влияния, что в свою очередь является одним из важных аргументов подтверждения его существования.

Проведенное исследование памятников письменности разной территориальной и жанровой прикреплённости XI–XVII вв. показывает основные направления в реализации гетерогенных рефлексов *dj и намечающиеся тенденции, которые в определенной степени усиливались в период XIV–XV вв., однако закрепление южнославянского по происхождению /жд/ следует отнести ко второй половине XVII в., поскольку в становлении альтернатив с гетерогенными рефлексами *dj были задействованы не столько графико-орфографические причины, сколько фонетические, морфонологические и лексические факторы, определявшие механизмы взаимодействия и закрепления гетерогенных рефлексов в системе русского литературного языка.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МОРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Бобырь Е. А.

Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург

Цель исследования – выявление и систематизация лингвистических особенностей перевода морских текстов между славянскими языками на основе комплексного анализа их семантических, грамматических и историко-терминологических характеристик.

Актуальность работы обусловлена ключевой ролью точной терминологической передачи в сфере международных морских перевозок¹.

Материал исследования включает исторические памятники, отраслевую документацию и цифровые корпуса славянских языков². Применялись методы сравнительно-исторического, этимологического, контрастивного и корпусного анализа.

Анализ историко-лингвистического контекста показал неоднородность терминосистем, обусловленную географией и историческими контактами³. Для восточнославянской группы характерны многослойные заимствования (греч. «корабль», голл. «шлюпка»)⁴. Южнославянские языки сохраняют архаичный пласт (серб. «брод»). Западнославянские языки демонстрируют влияние немецкого (польск. «baksztag») и путь калькирования (чеш. «přístav»).

К основным лингвистическим трудностям перевода относятся:

- Полисемия и омонимия: рус. «бак» (надстройка/ёмкость)⁵, серб. «брод» (корабль/город).
- Семантические сдвиги: рус. «плавник» – серб. «поплавок» – болг. «ласт».
- Грамматические расхождения: различия в залоге (рус. пассив vs. польск. безличная форма) и синтаксисе⁶.

Современные вызовы связаны с влиянием английского языка (прямые заимствования, «ложные друзья») и необходимостью учёта жанрово-стилистического регистра.

Перспективным направлением является применение корпусных методов для анализа реального употребления терминов.

Перевод морской терминологии в славянском ареале – комплексная задача. Для повышения его качества необходимы: специализированная подготовка переводчиков, разработка глоссариев на основе стандартов ИМО, активное использование корпусных ресурсов и усиление профессионального взаимодействия.

¹ International Maritime Organization (ИМО) : официальный сайт. URL: <https://www.imo.org/> (дата обращения: 15.09.2025).

² Национальный корпус русского языка (НКРЯ) : URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.09.2025); Narodowy Korpus Języka Polskiego (НКJP): URL: <https://nkjp.pl/> (дата обращения: 15.09.2025); Български национален корпус (БНК): URL: <http://dcl.bas.bg/bulnc/> (дата обращения: 15.09.2025) и др.

³ Бернштейн, С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М. : Астрель : АСТ, 2004; Морской энциклопедический словарь : в 3 т. / под ред. В. В. Дмитриева. СПб. : Судостроение, 1991–1994.

⁵ Морской энциклопедический словарь : в 3 т. / под ред. В. В. Дмитриева. СПб. : Судостроение, 1991–1994.

⁶ Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007.

ИЗМЕНЕНИЯ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ ИНОФОНА В СИТУАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Волкова Т. Ф.

Томский политехнический университет, г. Томск

Орлова О. В.

Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

В статье исследуются изменения в ментальном лексиконе инофонов в условиях продолжительного лингвокультурного влияния русскоязычной среды. Фокус работы направлен на выявление и анализ как индивидуальных, так и коллективно–типических изменений в вокабуляре иностранных студентов, достигших уровня бытового билингвизма. Теоретико-методологическую основу исследования составляет интегративный подход, синтезирующий принципы лингвоперсонологии, психолингвистики и интерлингвокультурологии, что позволяет осуществить многоплановый анализ механизмов лексической интерференции и инкрустации.

Эмпирический материал включает данные углубленного интервьюирования десяти имеющих опыт проживания в инокультурной русскоязычной среде свыше одного года иностранных студентов, родные языки которых принадлежат к различным типам. В результате проведенного анализа выявлен и описан корпус русских лексических единиц (свыше двадцати, например: *спасибо, пожалуйста, извините, жалко, круто, прикольно, ладно, чё, всё, плохо, хорошо, отлично, ужасно, молодец и т.д.*), устойчиво замещающих аутентичные эквиваленты в речи на родном языке, а следовательно – в ментальном лексиконе респондентов. Вкрапление русского слова в речестроение на родном языке квалифицируется, во-первых, как проникновение данной лексической единицы в активную зону ментального лексикона говорящего, а во-вторых, – как показатель лингвокультурной значимости этой единицы.

Установлено, что ядро данных слов-заместителей формируют неизменяемые части речи, прежде всего междометия, наречия и местоимения, значительная часть которых обладает дополнительными эмоционально–оценочными коннотациями и относится к разговорному стилю: *Иногда они кажутся мне более точными или эмоциональными, чем слова на моём родном языке. Например, мне очень нравится слово «ничего» – оно универсальное: может значить «всё нормально», «не переживай», или даже просто «окей». Я даже иногда использую его в разговоре не по–русски!* Эти повторяющиеся элементы интерпретируются как наиболее яркие лингвокультурные маркеры происходящей трансформации.

При этом существенных корреляций между составом и спецификой выявленных лексических замещений и типологической принадлежностью родного языка информантов не обнаружено, что позволяет говорить о генерализованном характере интенсивного влияния инокультурной речевой среды. Таким образом, исследование демонстрирует, что индивидуальные особенности лексической восприимчивости, фиксируемые на уровне отдельной языковой личности, могут рассматриваться в качестве индикаторов формирующегося коллективного речевого портрета, хотя для более весомых и доказательных выводов требуется дальнейшее лонгитюдное исследование.

СГОРЪТИ ИЛИ СЪВЪСКРЪСНЪТИ ? ОБ ОДНОЙ ПРЕФИКСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ, СТАРΟΣЛАВЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Вострова Ю. А.

Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Серышева Ю. В.

Томский политехнический университет, г. Томск

Филь Ю. В.

Томский государственный университет, г. Томск

В качестве объекта рассмотрения в докладе выступают глаголы с префиксом *συν-* в древнегреческом, *съ-* в старославянском и *с-/со-* в русском языках. Выбор материала объясняется общей семантикой совместности, одновременности действия (*συγκαταυφράσκειω* (вместе доживать до старости), *συνανάκειμαι* (вместе возлежать за столом); *съвъздвигнѣти* (воскресить вместе с другими), *съпогresti* (похоронить вместе с кем-либо); *сопереживать*, *содействовать* и т.п.), характерной для указанных единиц.

Актуальность исследования определяется его сопоставительным характером, позволяющим дополнить представления о славянской глагольной деривации, о семантическом развитии глагольных префиксов, выступающих маркерами слово- и видопроизводства, о зонах содержательного пересечения языков в обозначении действия и его параметров. В основу исследования положены работы, посвященные вопросам славянской глагольной префиксации, в том числе в историческом аспекте (см. работы Г.А. Волохиной, З.Д. Поповой; Е.В. Петрухиной; Л.И. Ройзензона; Л.В. Табаченко; И.С. Улуханова; М.В. Черепанова; М.А. Шелякина и др.).

Древнегреческая приставка *συν-* характеризуется как высокопродуктивная морфема, у которой отмечается 4 значения: совместность действия, соучастие – *συμπλέω* (плыть вместе, совершать совместное плавание); собирательность – *συμφορέω* (сносить (в одно место), собирать, сосредоточивать); одновременность – *συνυποφύομαι* (одновременно вырастать); завершенность, полнота действия – *συγκλύπτω* (окутывать, обволакивать, отовсюду закрывать)¹. Проведенный анализ древнегреческих глаголов с префиксом *συν-* позволяет выделить около 7 содержательных типов единиц (с учётом значений приставки и глагола и их взаимодействия) с явным преобладанием глаголов совместного и одновременного действия.

В старославянском языке, несмотря на представленность глаголов с префиксом *съ-* в значениях, подобных значениям *συν-*, единицы с семантикой соединения (реже удаления) и доведения действия до результата – *съкоупити* (составить, соединить, собрать), *съвлачити* (снимать одежду), *съжати* (сжать, сдавить), *съкроушити* (сломать, сокрушить; измучить), *съпѣти* (спеть) – преобладают над глаголами с комитативной семантикой – *съвъпрашати* (обсуждать, спрашивать (друг друга), *съвъкоупити* (объединить, собрать вместе, воедино), *съпрѣбывати* (быть, оставаться вместе с кем-либо)².

В русском языке отмечается наличие двух близких приставок – *с-/со-*, содержание которых (даже несмотря на близость отдельных смысловых компонентов) различно: с одной стороны, совместное совершение действия (*сосуцествовать*, *сочувствовать*, *сострадать*), с другой – соединение, схождение, удаление объектов, доведение действия до результата (*созвать*, *склеить*, *скатить*, *сбросить*, *сколкать*, *сделать*).

В исследовании осуществляется попытка через сопоставление указанных глаголов в рассматриваемых языках изучить развитие префиксальных моделей с приставками *συν-*, *съ-*, *с-/со-*; оценить направления заимствования «комитативной» префиксальной модели из древнегреческого языка в старославянский, а затем в русский; проследить формирование значения приставки *съ-* «достижение результата действия» и дальнейшую грамматикализацию префикса.

¹ Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. Москва : ГИС, 1958. Т 2.

² Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.). / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994.

РУССКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ ЕГО ПЕРЕВОДИМОСТИ НА ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАТНЫХ МАШИННЫХ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Голев Н. Д.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Цель исследования – доказать возможность получения с помощью обратного машинного перевода (ОМП) и других компьютерных программ статистических данных, релевантных для сравнения русскоязычных текстов в аспекте их переводимости на разные языки (в данном исследовании – на славянские). Непосредственным материалом выступили фрагменты шести художественных текстов, использованных в статье Э. С. Клышинского¹. Данные тексты через переводчик Google были переведены на славянские языки и обратно. Полученные данные обратного машинного перевода были проведены через две программы сравнения текстов – исходного и переводного (ОМП) – на схожесть в процентах.

Результаты сопоставления переводов 6 названных текстов по очерченной выше методике привели к следующим результатам.

Языки	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 4	Текст 5	Текст 6	Среднестатистическое по каждому языку
Чешский	43 %	46 %	50 %	38 %	45 %	38%	43 %
Словенский	40 %	46 %	50 %	36 %	40 %	37 %	42 %
Сербский	43 %	49 %	53 %	40 %	46 %	38 %	45 %
Украинский	68 %	69%	76 %	74 %	75 %	73 %	73 %
Белорусский	47 %	49 %	54 %	41 %	46 %	45 %	47 %
Словацкий	40 %	46 %	49 %	39 %	45 %	40 %	43 %
Польский	36 %	44 %	46 %	38 %	39 %	45 %	41 %
Болгарский	37 %	48 %	49 %	42 %	44 %	43 %	44 %
Среднестатистическое по каждому тексту	44 %	50 %	53 %	41 %	48 %	45 %	47 %

В исследовании Э.С. Клышинского зафиксирована следующая последовательность восьми славянских языков в порядке убывания статистической близости: украинский, белорусский, болгарский, сербский, словенский, польский, словацкий, чешский. В нашем исследовании языки расположились в следующем порядке: украинский, белорусский, сербский, болгарский, чешский, словацкий, словенский, польский. Совпадения ранжиров переводимости не абсолютная, однако в принципиальных моментах шкалы вполне коррелятивны. Заметна схожесть ранжиров убывания «близости» языков по отношению к русскому языку по линии: восточнославянские, южнославянские, западнославянские языки. В исследовании несколько выбивается из этой статистической закономерности словенский язык, но это отклонение существенно не меняет отмеченной картины синхронно-функциональной близости языков.

Таким образом, предположение о соотносимости результатов исследования Э. С. Клышинского, полученных путём опроса носителей языка на предмет понятности ими отдельных лексем, и проведённого «техно-эксперимента», связанного с машинным переводом текстов и дальнейшим сравнением исходного и переведённого на схожесть, подтвердилось. Полагаем, что нашла подтверждение и более общая гипотеза о коррелятивности шкал понятности и переводимости.

¹ Клышинский Э.С. Статистический метод количественной оценки понятности иностранных славянских языков для русскоязычного читателя // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Информационные технологии. 2021. Т. 19. № 1. С. 61–79.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО СООБЩЕСТВА ПРИГРАНИЧНОГО КИТАЙСКОГО ГОРОДА ХЭЙХЭ: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ

Десятирикова А. А.

Национальный исследовательский Томский Политехнический университет, г. Томск,
Хэйхэский университет, г. Хэйхэ (КНР)

Доклад посвящен особенностям языковой адаптации заимствованной лексики из китайского языка в речи представителей славянского этноса (русских и украинцев), представляющих русскоязычное сообщество приграничного с Россией китайского города Хэйхэ в начале XXI в. Русский язык является языком общения внутри данного сообщества.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания специфики языкового существования в условиях контакта русского языка с типологически отличным китайским языком.

Материалами исследования послужили записи устной разговорной речи и письменные тексты неофициального характера (смс-сообщения, публикации в социальной сети «ВКонтакте» на русском языке).

Выявление полученных результатов оказалось возможным вследствие применения методов интервьюирования, включенного наблюдения, лингвистического эксперимента, анализа и описания данных.

Предпринята попытка описания особенностей фонетической, грамматической, графической, лексической адаптации лексических единиц китайского происхождения к системе принимающего русского языка.

В результате исследования выявлено, что заимствованные и производные от них собственно русские слова, используемые в устной и письменной речи представителей русскоязычного сообщества Хэйхэ, в большей степени представлены именами существительными. Как правило, частеречная принадлежность слов в языке-доноре и языке-реципиенте совпадает.

Заимствованные имена существительные встраиваются в русскую систему словоизменения и склоняются, в основном, по типу второго склонения: *Если китайского шенфенджена нет, ты мопед на учёт не поставишь*. Глаголы, образованные с использованием заимствованной китайской лексической единицы, могут спрягаться: *Ты мимбаишь, что он говорит?*, а среди имён прилагательных не выявлено случаев словоизменения: *Она мне сказала: «Пула»*.

Заимствованная лексика всех частей речи имеет относительно высокую деривационную активность. Для образования собственно русских имён существительных и прилагательных характерен суффиксальный способ: *мэйнюшечка, куайдишный*, а для глаголов – приставочный: *пошуохуарим, пошанбаним*.

В устной русской речи китайские заимствования, как правило, произносятся в соответствии с фонетическими стандартами произношения гласных и согласных звуков в русском языке; ударение приобретает характер силового (как в русском языке), тоническое ударение (как в китайском языке) обычно утрачивается.

Китайские заимствования употребляются в русской речи в единственном или одном из значений языка-донора: *куня* ‘девушка’, *ню жоу* ‘говядина’.

В письменной русской речи они могут быть переданы при помощи латинской графики: *Wo de maу, где же зонтик*, а также средствами кириллицы: *Супчик бараний – Ян Тхан*.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РУСИНСКОЙ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'НАБЛЮДАТЬ, ЗАМЕЧАТЬ, ПОМНИТЬ'

Дронова Л. П.

Томский государственный университет, г. Томск

Актуальность данного исследования определяется тем, что оно продолжает тему отражения исторических и культурных связей русин в зеркале языка в связи с до сих пор острой проблемой генезиса русинского языка.

В докладе рассматриваются лексические средства выражения базовых понятий, связанных с ментальной деятельностью человека, – группа лексики со значением 'наблюдать, замечать' и 'намекать, помнить' (*тякати, тямити, никати, пазити*), отмеченная в работе Л. Гиндина и И. Калужской (1991) как имеющая специфические связи в южнославянской лексике. Задача исследования – рассмотреть ареальные исторические связи группы русинских лексем перцептивной семантики с целью выявить специфику их ареально- и общеславянских отношений, сложившихся в результате расселения славян по ту и другую сторону Карпат в Западной и Восточной Европе.

Глаголы *тякати, тьяк(ну)ти, натякати* 'намекать, догадываться, подсказывать' и производные *натяк, натяканя* 'намек' приведены в словаре русинского языка И. Керчи и украинского языка Б. Гринченко с отсылкой к галицко-русинскому источнику. Анализ исторических связей ведет не только к болг. *текна ми* 'я вспомнил', словен. *tekniti* 'коснуться', с.-хорв. *тэкнути* 'прийти в голову', 'коснуться, дотронуться, подтолкнуть немного', но и к кашуб. *takas*. Вследствие этого можно говорить о русинско-южнославянской лексической изоглоссе как о продолжении, развитии праславянской языковой модели экспрессивного характера, с менее выраженной экспрессией по сравнению с русскими выражениями (*стукнуло в голову/ тут меня ударило (в голову) – и я догадался!*).

Эта же модель именования, вероятно, представлена и в русинско-укр. *тямити* 'помнить', *тямка* 'память' с большим количеством производных (*безтяма* 'в забытьи', *стямный* 'заметный' *в(за-/о-/с=)* *тямити* 'заметить, запомнить' и др. (Керча, Гринченко). Родственная лексика получила распространение с дальнейшим развитием семантики в западных и юго-западных говорах русского языка (от 'помнить' к 'понимать, видеть, слышать, постигать чувствами'). За пределами этой территории слово *тям, тямить* и их производные не отмечены, нет принятого истолкования их происхождения.

Русинский глагол *пазити* (за кем) 'следить, наблюдать (за кем)', 'смотреть в оба', 'стеречь, караулить' и производное *паза* 'надзор, присмотр' (Керча), как и украинский аналог (Гринченко включены в состав общей изоглоссы с южнославянскими языками, ее реализация особенно широко представлена в сербохорватской языковой зоне (с целым рядом приставочных образований (*с-, за-, о-*)) с перцептивной семантикой '(у)видеть, (по)чувствовать' и 'быть внимательным, осторожным'.

Примером не только общеславянских и специфических карпато-южнославянских схождений, но и собственно местных, карпатских, инноваций в сфере перцептивной лексики могут служить производные слав. **nikati*, которое многие этимологи оценивают как омонимичные **nikati* I **nikati* II (М. Фасмер и др.). Соглашаясь с мнением О. Н. Трубочева о едином слав. **nikati* (< **nik-* 'низ'), полагаем, что исходное значение связано с идеей про(из)растания вверх и вниз (стебель и корни, клубни): 'прорасти, взойти; возникнуть, появиться' и 'прорасти; сгибаться, прятаться; исчезать'. Что же касается карпатских языков, семантическое поле родственной лексики в них в значительной степени отличается: наряду с *заниканя, заник* 'исчезание; упадок, вымирание', *заникати* 'вырождаться, пропадать' широко представлена семантическая новация 'следить, видеть, замечать' (вероятно, из *'проникать взглядом'), ср. *никати* 'подглядывать, смотреть; искать, высматривать' и 'ходить без дела, слоняться; мелькать вдали', *ник* 'зрение', *доникати* 'заметить, подсмотреть', *заникнути* 'заглянуть', *пониканя* 'взгляд; взор; выражение (лица)' и др. (Керча).

К ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЗДРАВИЦА)

Дягилева И. Б.

Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

В связи с работой над дифференциальным «Словарем русского языка XIX в.»¹ в поле зрения лингвистов попадают источники, отражающие тесные историко-культурные связи между славянскими народами. Рассмотрение этих источников позволяет уточнить состав славянских заимствований в русском языке, проследить их вхождение, что представляется актуальной задачей ввиду малоизученности данной группы лексики.

В докладе рассматривается история слова *здравница* (серб.). Несмотря на наличие в древнерусском языке целого гнезда слов с неполногласным корнем *-здрав-* и давности обычая произносить заздравный тост², слово *здравница* появилось в русском языке только в середине 19 в. как заимствование из сербского языка. Об этом свидетельствуют следующие факты.

1. Первые употребления слова *здравница* в русских текстах связаны с описанием сербских обычаев и традиций, сербского фольклора, сопровождаются присловными толкованиями (тост, заветный тост, заздравная чаша с вином, застольная беседа и др.), что обычно характерно для первого этапа заимствования нового слова. Первая фиксация отмечена в журнале «Телескоп» в рубрике «Картины славянских нравов» при описании сербской свадьбы: *Фляшка эта бывает деревянная и называется чутура; она украшается цветами, и каждый приглашенный вьшает на нее серебрянную монету, выпивая чарку вина за здоровье новобрачных (здравница) и желая им громко счастья* (Ч. 31. С. 569).

2. Слово *здравница* отсутствует в современных исторических словарях русского языка. В значении «заздравный тост, здравница» в Словаре русского языка XI–XVII вв., Материалах для Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского отмечено употребление слова *чаша*, в том числе в составном наименовании *заздравная чаша*.

3. Наряду со словом *здравница*, на протяжении всего XIX в. в русском языке употребляется слово *здоровье* (ср. возгласить, провозгласить, предложить, произнести, пить здоровье кого). Устойчивое сочетание «пить здоровье» зафиксировано в «Словаре русского языка XVIII в.»

В докладе также рассматриваются причины отнесения сербизма *здравница* к древнерусским словам в трех лексикографических изданиях 19 в.: словарях В. Даля, А. В. Старчевского и Г. Дьяченко.

Слово *здравница* на русской почве расширяет свою сочетаемость на лексическом и синтаксическом уровне (поэтические, стихотворные здравицы; здравицы вином, ромом, хересом; здравицы по адресу славянского единения и др.), до настоящего времени входит в словарный состав русского языка, употребляется в текстах разных стилей.

¹ <https://xix.iling.spb.ru>

² Г. В. Судаков. Застолье по-русски. Из истории слов. Вологда, 2012. С.55.

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ ЭПИСТОЛЯРИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНЫХ ПИСЕМ ЧЕШСКИХ (1916–1918 гг.) И СЕРБСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ (1941 г.)

Евпак Е. В.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Актуальность данного исследования продиктована повышенным вниманием широкой общественности и научного сообщества к гуманитарной проблематике в контексте исторической памяти и значительных событий в истории России и других славянских стран. Особый исследовательский интерес вызывает языковая интерпретация ценностной картины мира военнопленных¹. Эмпирическая база исследования представлена личными письмами военнопленных, а также письмами членов их семей².

В качестве базового метода исследования выступают дискурс-анализ и метод выявления ключевых слов.

В докладе представлен анализ эпистолярия семьи О. Кадлеца. В письме из России, адресованном матери, чешский военнопленный пишет, что группе из пяти его земляков, включая брата, удаётся держаться вместе: «*Naše parta 5i kolegů u plz. okr. stále se drží pohromadě: my 2 bratři... Oba jsme zdraví a dost spokojeni*» (Астраханская губерния, г. Черный Яр, 1917 г.). В данном фрагменте актуализируется идея единения военнопленных. Находясь вдали от родины, от своей семьи, они поддерживают друг друга в сложных условиях. Идея единения межчеловеческих связей людей, находящихся вдали от родины, составляет одну из ценностных доминант личностной картины мира военнопленного.

В следующем фрагменте на материале сербского языка показывается, как ценностные доминанты связаны с общечеловеческими ценностями – дом, семья и др.: «*Dragi moj Stevo, Danas ti predajem paket, moje je srce radosno kad pomislim da ćeš za Božić dobiti, sretan ti Božić želi mama i tvoja Buba... Mnogo te voli tvoja Buba*» (Farkaždin, 18/XII–1941). В ситуации плена обостряется чувство семьи.

¹ Карасик, В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики // Национальные языки и межъязыковые процессы в современном мире: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 9–10 октября 2024 г. Казань: ИЯЛИ, 2024. С. 183–188.

² КРО РКК (Кемеровское региональное отделение Российского Красного Креста).

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В УСЛОВИЯХ СЛАВЯНСКО-ТЮРКСКОГО БИЛИНГВИЗМА И АДАПТАЦИЯ ФОРМУЛ СЛОЖНОСТИ

Жук А. И.

Томский государственный университет, г. Томск, Alikhan Bokeikhan University, г. Семей (Казахстан)

Доклад посвящён сопоставительному анализу сложности юридического текста в русско-казахском юридическом дискурсе и обсуждению пределов применимости традиционных формул сложности текста в типологически неоднородной среде. Исследование проведено на материале параллельного корпуса, собранного автором исследования, из 297 законов Республики Казахстан, опубликованных на русском и казахском языках в период 1998-2025 гг. Материал позволяет рассматривать русскоязычный юридический дискурс с флективной системой грамматики в сопоставлении с тюркоязычным, с агглютинативной системой, и выявлять как универсальные, так и обусловленные типологическими различиями языков, параметры сложности текста.

Также в работе проводится критическая оценка применимости индекса Флеша-Кинкейда к юридическому регистру. Показано, что формулы, основанные на подсчёте слогов и длины предложения, исходно ориентированы на аналитические и флективные языки и не учитывают морфологическую плотность агглютинативных систем. Для юридического дискурса, характеризующегося высокой степенью номинализации, разветвлённой зависимостной структурой и информационной компрессией, такая редукция оказывается методологически недостаточной.

Анализ включает сопоставление количественных параметров текста: средней длины предложения, морфологической длины слова (включая число аффиксов), показателей синтаксической глубины и длины зависимостей. Особое внимание уделяется вопросу о том, какие характеристики сложности являются типологически устойчивыми для юридического дискурса славянского языка флективного типа, а какие обусловлены морфологией языка. Показано, что русский текст демонстрирует большую синтаксическую развернутость при сравнительно меньшей морфемной протяжённости слова, тогда как казахский компенсирует синтаксическую компактность высокой деривационной и словоизменительной нагрузкой.

Научная новизна исследования заключается в типологически обоснованном пересмотре универсалистских моделей сложности текста и введении морфемной плотности как релевантной единицы измерения сложности в агглютинативном юридическом дискурсе. Актуальность работы определяется необходимостью обеспечения структурно сопоставимой доступности законодательства в условиях институционального билингвизма Республики Казахстан и пересмотра методологических оснований оценки текстовой сложности в многоязычном правовом пространстве.

Таким образом, на основании полученных данных предлагаются принципы адаптации формулы сложности, разработанной для русского языка, с учётом морфемной структуры казахского языка и специфики юридического регистра. Сопоставительный подход позволяет уточнить параметры эквивалентной сложности текста в билингвальном правовом пространстве и формирует основу для дальнейших когнитивных исследований стратегий чтения юридических текстов с учетом типологических различий славянских и тюркских языков.

ОБОСОБЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ВЫРАЖЕННЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ И НАРЕЧИЯМИ, В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Иванова И. Е.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В докладе рассматривается вопрос пунктуационного выделения обособленных обстоятельств, выраженных предложно-падежными сочетаниями и наречиями, в современном сербском языке в сопоставлении с русским. Этот случай представляется интересным, так как в русском языке обособление является факультативным, сербская же пунктуация в целом определяется как смысловая.

В большинстве теоретических работ, посвящённых синтаксису сербского языка, в нормативных справочниках по орфографии и пунктуации отсутствует такое понятие, как обособленные члены предложения. Сербские нормативные справочники частично рассматривают его, однако оно не получает отдельного наименования¹.

Поскольку для русского языка вопрос обособления детально разработан, автор считает возможным спроецировать критерии, определяющие сложившийся в русской пунктуации узус, на явления в области пунктуации сербской. Проблема обособления членов предложения рассматривается в работах Н.С. Валгиной², А.Н. Гвоздева³, Д.Э. Розенталя⁴, в «Русской грамматике» 1980 г.⁵

Что касается обособления обстоятельств, выраженных предложно-падежными сочетаниями и наречиями, для современного русского языка оно не характерно. Их выделение на письме знаками препинания рассматривается как неверное при анализе характерных ошибок школьников.

Автором доклада проведено исследование сербских источников, которое привело к некоторым выводам.

Выделение обстоятельств, выраженных предложно-падежными сочетаниями и наречиями, широко распространено в современной сербской письменной речи. Встречаются предложения, включающие по два обстоятельства рассматриваемого типа, границы которых обозначены знаками препинания.

Существуют некоторые формальные элементы, способствующие обособлению данного вида обстоятельств. Так, в сербских текстах обычно оказываются обособленными словосочетания с главным словом в творительном падеже, обычно выражающие инструментальные или причинно-временные отношения.

Часто выделяются знаками препинания обстоятельства, вводимые словами **нарочито, чак, баш, управо, углавном, већ, бар, макар, поготову** и т.п.

Обособляются также обстоятельства, начинающиеся с предлогов, характерных для книжно-письменной речи: **на основу, на предлог, поводом, приликом, услед, у циљу, с обзиром на, без обзира на, у складу с, под условом, поред** и т. д.

В сербских текстах обычно выделяются обстоятельства **у себи, у души** и подобные им по значению «в глубине души» при сказуемом, выражающем желание, надежду, мнение, чувство.

Как и в русском языке, в основном выделение сербских обстоятельств на письме происходит с помощью парных запятых. Могут применяться и парные тире (в то время как в русском языке парные тире закреплены за вставными конструкциями).

¹ Правопис српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, Загреб: Матица хрватска, 1960; Правопис српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2010.

² Валгина Н.С. Трудные вопросы пунктуации. М.: Просвещение. 1983; Валгина Н.С. Современный русский язык Пунктуация. М.: Высшая школа. 1989.

³ Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка М: Просвещение. 1965.

⁴ Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации. М.: Книга, 1984.

⁵ Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. : Синтаксис. М.: Наука, 1980.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «РУС» В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ X–XV ВВ.: ОТ ЭТНОНИМА К МЕТАФОРЕ

Искандарова Д. М.

Российско-Таджикский (Славянский) университет, г. Душанбе (Таджикистан)

Доклад посвящен диахроническому исследованию лексико-семантической эволюции концепта «Рус» (Rūs) в классической персидско-таджикской литературе X–XV вв. Цель – реконструкция когнитивных механизмов, посредством которых конкретное географическое и этническое понятие трансформировалось в устойчивую поэтическую метафору.

Исследование опирается на синтез методов исторической лексикологии и когнитивно-корпусного анализа (выявление смены фреймов и концептуальных метафор на основе материалов к подкорпусу классической поэзии Национального корпуса таджикского языка).

Лексема «Рус» попала в язык в эпоху Саманидов (IX–X вв.). Лексическое освоение этнонима «Рус» в персидском языке (фарси-дари) происходило неравномерно в разных стилях. В исторической прозе термин закрепился уже к середине X века (Балами, 963 г.; Худуд аль-Алам, 982 г.), что было обусловлено необходимостью описания торговых и военных контактов Саманидского государства. В поэтический язык слово полноценно входит только с Фирдоуси (конец X в.). Использование персидской парадигмы словоизменения доказывает, что слово к концу X века прошло полную грамматическую и семантическую ассимиляцию.

В докладе выделяются этапы эволюции концепта в персидско-таджикской поэзии.

Этап 1 (X–XI вв., Фирдоуси, Асади Туси): доминирует фрейм «Война / Технология». «Рус» функционирует как маркер качественного оружия (*теги русӣ*¹ – русский меч) и опасной военной силы. Этноним сохраняет конкретно-историческую отнесенность.

Этап 2 (XI в., Манучехри): актуализируется фрейм «Торговля / Роскошь». Лексема переходит в разряд качественных характеристик товаров (*самури русӣ* – русские меха, русский соболь), маркируя таким образом потребление товаров роскоши.

На данных этапах слово сохраняет связь с реальной географией и экономикой.

Этап 3 (XII в., Низами, Хакани): формируется метафорический сдвиг. «Рус» становится символом агрессивной экспансии и света (*ба оини Рус* – в манере русов). Происходит мифологизация образа (Русь как достойный соперник Искандара – Александра Македонского (показатель смещения временных границ)). Реальный этнос превращается в эпический символ «Северной мощи» и «Света». Появляется метафора «*ба оини Рус*» как обозначение стремительной атаки (света на тьму).

Этап 4 (XIII–XIV вв., Саади, Джами – лирика): полная десемантизация. Этноним утрачивает связь с географией и становится эстетическим кодом (*белизна, красота*), занимая нишу в оппозиции «Белый (Рум-Византия) / Рус» – Черный (Занг – Африка)».

Таким образом, эволюция концепта «Рус» в персидской поэзии X–XV вв. – пример того, как реальные исторические контакты были переработаны языковым сознанием, превратив «Чужого» из военного противника или торговца в эстетический идеал.

¹ Через Русь на Восток шли **франкские мечи**, их называли «русскими мечами», привозили их русы. «*Теги русӣ*» стало устойчивым термином для обозначения меча высшего качества.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РУСИЗМОВ СЕРБСКИМ ЯЗЫКОМ

Каприелова В. В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Объектом нашего исследования являются лексические параллели в сербском и русском языках – слова, генетически родственные, но разошедшиеся в своих значениях в разных языках. Один из источников параллелей – лексическое заимствование, в частности заимствование русских лексем сербским языком.

Установление списка русизмов в сербском языке – задача непростая, надежный их перечень представлен в работе¹. Именно он послужил в качестве основного источника, из которого мы извлекали лексические параллели-русизмы, дополняя их некоторыми другими наблюдениями.

На примере семантической адаптации русизмов можно продемонстрировать некоторые уже ранее выявленные нами особенности сербской лексической системы.

1. Слабое действие механизма специализации. Так, располагая лексемами *гласан* ‘громкий’ и *стари* ‘древний’, сербский язык заимствует рус. *громкий* и рус. *древний*. Хотя русизмы не становятся основным способом выражения данных значений, их семантика при вхождении в язык совершенно не претерпевает изменения; но со временем у них развиваются собственные переносные значения: ‘жесткий, категоричный’ у *громак*² и ‘закостенелый, неисправимый’ у *древан*³.

2. Сербский язык склонен сохранять исконное значение слова. Серб. *позориште* ‘театр’ сохраняет старое значение рус. *позорище* ‘место проведения (театральных или праздничных) зрелищ; театр, арена’⁴, а серб. *казна* не меняет значение рус. *казнь* ‘наказание, кара’⁵.

В некоторых случаях адаптация русизмов сопровождается семантической деривацией. Мы предполагаем, что в серб. *узор* осуществился семантический переход ‘внешний вид’ → ‘образец’, в серб. *устав* ‘устав, свод правил’ → ‘конституция’, в серб. *опширан* ‘большой по объему’ → ‘детальный’ и т.д.; известно, что в серб. *виспрен* произошло развитие значения ‘высоко поднятый над землей’ → ‘проницательный, догадливый, ловкий’^{6[6]} (причем с помощью данного слова может даваться как положительная, так и отрицательная оценка).

Стоит отметить, что лексическими параллелями могут становиться производные от русизмов, вошедших в язык без изменения значения. Например, с исконной семантикой заимствуется рус. *природа* (ср. серб. *природа*), но производное серб. *природно* приобретает значение ‘естественно’. Ср.:

(1) Za mene je **prirodno** da je leti toplo, a zimi hladno. – Для меня *естественно*, что летом тепло, а зимой холодно [URL: <https://www.clarin.si/ske/#concordance?corpname=pdrs10>].

¹ Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII века. М.: 1993. С. 149-158.

² Речник српскога језика. Нови Сад: Матица Српска, 2007. С. 229.

³ Речник српскога језика. Нови Сад: Матица Српска, 2007. С. 321.

⁴ Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1990. С. 124.

⁵ Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1980. С. 25.

⁶ Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII века. М.: 1993. С. 151.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СМЕШАННОГО ПИСЬМА В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КИПРСКОЙ СЛАВЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ

Катермина В. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Логутенкова О. Н.

Русская школа Пафоса, г. Пафос (Кипр)

Актуальность исследования обусловлена трансформацией письменной коммуникации в условиях цифровизации и миграции, при которой наблюдается системное взаимодействие языковых кодов и графических ресурсов. В среде славянской диаспоры формируется особый тип письменной практики – смешанное письмо, включающее комбинирование кириллицы, латиницы и эмодзи в рамках одного дискурсивного пространства. Данный феномен ставит принципиальные вопросы о сохранении языкового ядра в условиях контакта культур, а также о прагматических механизмах конструирования гибридной идентичности в цифровой среде.

Цель исследования – выявление и описание прагматических функций смешанного письма в цифровой коммуникации кипрской славянской диаспоры и в соотношении эмпирических данных с теоретической моделью «ядро / периферия» языка и концепцией конверсационного кодового переключения.

Материалом исследования послужили письменные тексты из цифровых коммуникативных пространств: private переписки в мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber), public посты и комментарии в социальных сетях (Facebook, Instagram), а также сообщения в тематических онлайн-группах кипрской славянской диаспоры. Корпус включает 2500 высказываний (2023–2025 гг.), содержащих маркеры смешанного письма (диграфию, языковые вставки, эмодзи), и отражает коммуникацию 170–180 пользователей в возрасте от 18 до 65 лет, принадлежащих к русскоязычной, украинской и болгарской общинам Кипра.

Методология интегрирует три подхода: 1) дискурсивный анализ письменных практик с точки зрения социокультурного контекста; 2) прагматический анализ коммуникативных стратегий; 3) мультимодальный анализ, учитывающий взаимодействие текста, графических систем и эмодзи как единого семиотического ансамбля. Статистическая обработка включала расчёт долей и коэффициента корреляции Пирсона.

В результате исследования обнаружены системные различия в использовании смешанного письма в зависимости от платформы (чаты, соцсети, группы), жанра коммуникации (private, public) и социолингвистического профиля говорящего (возраст, уровень образования). Выявлено, что морфосинтаксическое ядро русского языка в диаспоре сохраняется устойчиво, тогда как периферийные уровни (графический, лексический, мультимодальный) становятся пространством активной адаптации и прагматического творчества.

Предложено расширенное понимание модели «ядро/периферия», включающее три слоя языковой системы: морфосинтаксическое ядро, визуальное ядро (традиционное письмо) и лингво-графическую периферию (эксперименты с кодовыми переключениями). Установлено, что в интернет-среде эти слои функционируют относительно независимо, что свидетельствует о гибкости и многомерности языкового ядра в условиях диаспоры.

Статистическая обработка (корреляционный анализ, $r=0,78$, $p<0,001$) демонстрирует зависимость выбора кода от контекста (адресат, тема, платформа), отвергая случайный характер феномена. Результаты опровергают представление о смешанном письме как «языковой ошибке» или признаке языковой деградации, позиционируя его как нормативную стратегию конструирования гибридной идентичности в диаспоре.

ЗРИТЕЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ В ПРОЦЕССАХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ХАКАССКОГО ЯЗЫКОВ)

Коршунова И. С., Резанова З. И.

Томский государственный университет, г. Томск

Зрительная перцепция является одним из основных механизмов концептуализации окружающей действительности и играет важную роль в формировании семантической структуры слова. В рамках когнитивной лингвистики перцептивный опыт рассматривается как основа языковой категоризации, поскольку именно через сенсорные каналы человек получает первичную информацию об объектах и явлениях мира. Особое значение в этом процессе имеет зрительная модальность, обеспечивающая доступ к таким характеристикам объектов, как форма, размер, положение в пространстве и визуальная различимость.

В докладе представлены результаты исследования вклада визуальной модальности и двух её компонентов (размер и положение в пространстве) в семантику слова на материале русского и хакасского языков. Материал – нормативные данные трёх психолингвистических баз RuWordPerception, TurkWordPerception и RuTurkPsychLing (URL: https://illa.tsu.ru/?page_id=1440). Анализируются оценки слов русского и хакасского языков их носителями.

Для выявления взаимосвязи между визуальной модальностью и её пространственно-размерными компонентами был проведён корреляционный анализ, который показал наличие статистически значимой положительной взаимосвязи, наиболее выраженной у носителей русского языка, между визуальной модальностью и её компонентами – размером и положением в пространстве – во всех группах.

Для выявления межгрупповых различий был применён непараметрический критерий Краскела–Уоллиса, который выявил статистически значимые различия между группами по всем анализируемым параметрам: визуальной модальности, связи слова с размером и связи слова с положением в пространстве ($p < 0,001$). Последующие попарные сравнения с использованием теста Данна показали, что оценки визуальной модальности и по параметру положение в пространстве статистически различаются между всеми группами.

Проведённый анализ отдельных слов с максимальными значениями по параметрам размера и положения в пространстве показал, что слова с высокими значениями по данным параметрам характеризуются также высокими значениями визуальной модальности. Отмечается, что лексемы, обозначающие объекты с пространственной протяжённостью (*пустыня, сцена, поезд*) характеризуются высокими оценками как по параметру связь со зрением, так и по пространственным характеристикам (3,5–4,5), а слова, обозначающие небольшие или телесно близкие объекты (*еж, заяц, упитанный*), показывают пониженные значения связи с положением в пространстве и более выраженную связь с тактильной модальностью.

Полученные результаты свидетельствуют, что визуальная модальность и её пространственно-размерные компоненты формируют интегрированную динамическую систему перцептивных признаков, лежащих в основе семантики слова, обнаруживающую зависимость от когнитивного и языкового опыта носителей языков.

ОБРАЗ ТУМАНА В ПОЭЗИИ СЛАВЯНСКИХ СИМВОЛИСТОВ (ПЕРЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Крюкова Л. Б.

Томский государственный университет, Томск

Туман определяется как художественный перцептивный образ – элемент индивидуально-авторской художественной картины мира, рассматриваемый в качестве содержательной составляющей поэтического произведения и «аксиологического знака поэтического мира субъекта восприятия»¹.

Цель доклада – проанализировать способы языковой репрезентации образа *туман* и его функциональную нагрузку в процессе формирования перцептивного фрагмента поэтической картины мира символистов. Основные методы исследования – лингвистическое моделирование, лингвостилистический анализ текста, сопоставительный анализ языковых единиц разных уровней. В докладе предложен вариант описания художественного перцептивного образа в контексте дискурсивного направления современной перцептивной лингвистики.

В первой части доклада в фокусе внимания находятся те особенности поэтического дискурса символизма, в которых проявляется специфика художественной перцепции авторов – «символизация» зрительных, звуковых и других чувственных характеристик, описывающих эмоциональное состояние лирического героя. Особое внимание уделяется звукоцветовой синестезии. Представлено краткое описание основополагающих визуальных художественных образов (*свет, тьма, луч, мгла* и др.).

Во второй части доклада *туман* анализируется как зрительный образ в контексте поэтического творчества русских поэтов-символистов: В. С. Соловьева, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, А. А. Блока. Моделирование перцептивного образа представлено в формате словарной статьи².

В третьей части доклада языковые средства выражения и функциональная нагрузка анализируемого образа рассматриваются на материале творчества чешского поэта-символиста Отокара Бржезины и словацкого поэта-символиста Ивана Краско. К анализу привлекаются оригинальные тексты и поэтические переводы.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в поэтическом дискурсе славянского символизма *туман* включен в сложную систему перцептивных образов, отражающих не только особенности символистской поэтики, но и специфику миромоделирования, характерную для представителей данного литературного направления.

¹ Лаврова С. Ю. Говорящий как наблюдатель : лингвоаксиологический аспект. – Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2017. С. 88.

² Структуру словарной статьи в процессе описания художественного перцептивного образа см. Хизниченко А. В., Крюкова Л.Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И НАРОДАХ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ АФРИКАНЦЕВ: МИФЫ, СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Курьянович А. В.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Проблема восприятия языка сознанием человека определяется либо как феноменологическая (в русле онтологии языка как образа мира Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера), либо практикоориентированная, связанная с его изучением как средства коммуникации в современном глобальном мире (В. З. Демьянков, Ю. С. Степанов).

При рассмотрении славянских языков в качестве совокупного средства экзистенции славянского мира перспективным видится изучение представления о них в сознании носителей неславянских культур, в частности народов Африки. Славянские и африканские страны территориально, исторически или культурно не являются близкими, языки этих стран различны по происхождению, морфологическим особенностям, системам письменности.

Материалом настоящего исследования выступают данные социологического опроса (сентябрь 2025 г.) 103 слушателей Центра открытого образования на русском языке в г. Найроби (Кения). Анализ ответов информантов позволяет выявить уровень знаний жителей африканского континента о славянских народах и их национальных языках, поскольку Кения – типично африканская страна со свойственными этой лингвокультуре чертами полиэтничности и полиязычия. Например, анализ ответов на вопрос «Какие славянские языки вы можете назвать?» продемонстрировал базовую (в рамках школьного курса географии) лингвострановедческую осведомлённость информантов о существовании славянских языков. 32–59 % информантов обозначили русский, украинский, польский, словенский, болгарский, сербский, хорватский, словацкий, белорусский, македонский, черногорский, боснийский языки. Однако знания о языках ограничиваются названиями и, возможно, ассоциацией со странами. 93,2 % респондентов уверенно указали русский язык, поскольку изучают именно его. Высокий процент знания об украинском языке (59,2 %) обусловлен освещением актуальных политических событий. Сербский, хорватский, черногорский и боснийский языки имеют показатели присутствия в ответах от 35 % до 40 % информантов. Это указывает на то, что регион бывшей Югославии в целом известен, но различия между его языками для большинства респондентов, вероятно, размыты.

Установлено, что информированность африканцев в «славянском» вопросе варьируется в зависимости от региона проживания, уровня образования и интереса к мировой культуре и глобальному миру. В значительной степени это знание определяется до сих пор сохраняющимся авторитетом СССР и союзных ему стран, стереотипами и мифами из «советской» эпохи. На все славянские страны проецируется образ значительного по территории и численности населения исторически сложившегося лингвокультурного сообщества с общей праосновой в национальных языках и богатыми самобытными традициями, в том числе приверженностью христианской вере. Славяне представляются африканцам суровыми, серьёзными, строгими в поведении, физически развитыми, поскольку вынуждены жить в трудных климатических условиях, вызывают уважение. Роль информационных источников в формировании представления о славянских народах и языках в африканской аудитории мала: в новостном потоке данная тематика отсутствует или освещается избирательно, в политическом ключе. Большинство африканцев имеют поверхностное, общее представление о славянских народах и языках, зачастую ограниченное школьной программой. Глубокое знание вопроса отмечается у узкого круга специалистов, студентов или энтузиастов, интересующихся межкультурным общением или изучением славянских языков и культур.

В целом исследование данной проблематики плодотворно для развития кросскультурной лингвистики, реализации межконтинентальных проектов и образовательных инициатив.

МЕСТО БАЛАЧКИ В ПРОЦЕССЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И.Т. ТРУБИЛИНА)

Ладыгина О. В.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар

Актуальность данного исследования связана с уникальностью диалекта, который сложился в русско-украинской этноконтактной зоне, а также с выявлением современных тенденций развития этноязыковой территории. Научный интерес к балачке, как объекту исследования, позволяет выявить ее место в современной речевой практике молодежи, а также особенности идентификации молодежи в этноконтактной зоне, которой остается и сегодня Краснодарский край.

Целью исследования является определение отношения к балачке студентов Кубанского государственного аграрного университета, что дает возможность выявить особенности функционирования балачки в данной социальной группе, степень ее востребованности в речевой практике, охарактеризовать идентификационные предпочтения молодежи, а также апробировать исследовательский инструментарий.

В пилотажном исследовании приняли участие 112 студентов учетно-финансового и землеустроительного факультетов в возрасте 18-19 лет, проживающих в Краснодарском крае, среди них как горожане, так и жители сельской местности. Теоретической базой исследования стали научные публикации, в которых рассмотрены вопросы возникновения казачества как субэтнической общности в русско-украинской этноконтактной зоне, балачки как новой языковой формы кубанских казаков, сложившейся на славянской основе в результате постоянных этнокультурных контактов на обособленной территории. Эмпирическая база исследования состояла из результатов анкетирования, тестирования языковых компетенций респондентов, а также открытого ассоциативного эксперимента. Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод, что уникальные языковые черты балачки сохраняются в сельской местности. При этом определение ареалов наибольшего распространения говора требует дальнейшего исследования. В речевой практике молодежи балачка ограничивается семейным кругом. Только небольшая часть молодых людей владеет балачкой. Между тем, респонденты отметили, что балачка как часть культурного наследия Кубани нуждается в сохранении и популяризации. Как говор кубанский казаков балачка представляет собой языковой признак в процессе самоопределения человека.

Сопоставление полученных данных позволяет сделать вывод об уменьшении среди испытуемых носителей кубанского говора, а значит и тех, кто считает себя представителями казачества. Актуальной для участников исследования является индивидуальная форма идентичности. Наиболее обширное ассоциативное поле этой формы зафиксировано у городских жителей. Эмоциональная привязанность к месту и к социальным группам характерна в большей степени для сельской молодежи. При этом связь жителей Краснодарского края с казачеством не является приоритетной в целом для испытуемых. Результаты проведенного исследования отражают тенденцию, связанную с изменением статуса казачества в современном обществе, которая требует своего подтверждения или опровержения в ходе более масштабного исследования.

ФЕНОМЕН СВЯЗАННЫХ КОРНЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Михайлова И. Д.

Московский городской педагогический университет, г. Москва

Актуальность данного исследования определяется особой ролью корней в системообразовании производной лексики и их типологической неоднородностью в современных славянских языках, что затрудняет идентификацию отдельных корней как обязательной части слова.

Объектом изучения стали связанные корни и своеобразие ядерной группы – радикасоидов, которые на современном этапе развития языков объединяют в большие гнезда (СГ) производную лексику, являясь знаком глубинного родства славянских языков и маркером единства смыслов.

Основой исследования послужило выявление перечня связанных корней в русском языке, их типологическое описание, а также структурно-семантическая характеристика производных с данными корнями¹. С использованием методов сравнения, сопоставления, обобщения проанализированы бытование данных корней периферийной зоны в других восточнославянских языках и в языках восточной группы южнославянских языков, выявлен ряд закономерностей, интегральных и дифференциальных признаков.

Радикасоиды – двусторонне связанные корни процессуальной семантики, которые в современных славянских языках не употребляются без префикса и/или суффикса в простом слове. Связанность появилась в результате выхода из употребления первообразного непроизводного глагола, который за время развития языков стал производящим – первым звеном словообразовательных цепочек десятков и сотен производных слов. Неучёт корней этой группы влечёт за собой разрушение больших комплексных единиц словообразования – конкретных СГ с вершиной-радикасоидом и, следовательно, затрудняет восприятие и понимание системности лексики славянских языков как носителями данных языков, так и иностранцами.

Характеризуя радикасоиды, отметим следующие их особенности: 1) выделение радикасоидов славянского происхождения возможно лишь методом парадигматического сопоставления одноструктурных префиксальных глаголов первой ступени деривации; 2) семантизация корня осуществляется вычета из лексического значения глагола значения аффиксов. В словарных дефинициях слов с радикасоидами наблюдается синонимический принцип толкования, где в качестве синонимов используются другие производные с радикасоидами; 3) ряд радикасоидов представлен множественностью морфов, самое большое количество таковых наблюдается в русском языке: ...ня... (...ним/ём/ем/н... и др. – всего 12 морфов) ‘братъ/взять’ – рус., ...йня... (...йм/йом/ім и др.) – укр., ...ня... (...м/ём/ем/ым и др.) – белорус., ...нем... – болг.; 4) в словообразовательной структуре производных с радикасоидом отмечен компенсаторный механизм укрепления корня, находящегося в слабой позиции комплексом «аффиксы + морфонологические явления, сопровождающие образование слов».

Самые крупные СГ с вершиной-радикасоидом сохранились в русском языке, в украинском, белорусском, болгарском, македонском языках появились супплетивные корни, что способствовало разделению больших СГ на более мелкие образования. Радикасоиды в славянских языках сохраняют свою семантическую и формальную общность, что подчеркивает единство их происхождения, фиксируя значимую для менталитета славян идею действительности. Корректное включение производных с радикасоидами в комплексные единицы словообразования помогает системно осваивать лексику конкретного языка, осознавая значимость объединения того, что ещё может быть объединено на современном этапе развития славянских языков.

¹ Михайлова И.Д. Радикасоид как вершина словообразовательного гнезда // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филологическое образование. 2014. № 1 (12). С. 22–28.

БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО В ЗЕРКАЛЕ РУСИНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Мокиенко В. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Лингвокультурологические исследования, направленные на воссоздание языковой картины славянского мира, раскрыли содержание многих доминантных концептов. Монументальные словари, созданные представителями научных школ Н.И. Толстого, Й. Бартминьского, В.В. Колесова и их последователями, представили обширный материал о различных ипостасях жизни и менталитета славян. Такие концепты (resp. народные стереотипы), как «Душа», «Счастье», «Добро», «Зло», «Родина», «Дом», «Труд» и под. стали объектом анализа в трудах многих исследователей и отражены в некоторых собраниях славянской паремиологии, построенных по тематическому принципу. Русинская паремиология и фразеология в этом спектре также дает значимый материал для межславянских сопоставительных штудий.

Лингвокультурологический анализ русинских пословиц и поговорок тематического блока «Богатство» и «Бедность» обнаруживает как значительное сходство с паремиологией других славянских ареалов, так и специфику, обусловленную историческими императивами русинского языка.

Аксиологическую амбивалентность народного отношения к богатству отражает русинская пословица *Русин богатий и пес кудлатий – ото собі братя*. С одной стороны, оно является той материальной основой, которая делает жизнь человека самодостаточной и обеспеченной. С другой стороны, богатство – не просто достаток, необходимый для существования, но обилие и даже изобилие материальных ценностей, слишком большое состояние. Сама этимология общеславянского слова *богатий* связывает богатство с Богом, буквально означая «наделяющий богатством», «дарующий благополучие». русинская же пословица, приравнивающая богатство к «лохматому псу» понижает аксиологию этого концепта, подчеркивая некоторое излишество, заложенное в этом богодарованном благосостоянии.

Русинский паремиологический материал подтверждает общую для славян оценку богатства и бедности, воплощая ее в свои собственные языковые формы. Сопоставляя русинские пословицы и поговорки с русскими и украинскими, можно достаточно рельефно определить их сходства и различия. При этом вскрываются как мифологические аспекты этой концептной дихотомии, так и этимологическая подоплека соответствующих наименований. Русинские паремии распределяются по таким семантическим доминантам, как «Внешняя характеристика богатства», «Рост материального благосостояния у богатых», «Особенности характера богатых людей» и др. Такие паремии сопоставляются с близкими по семантике восточнославянскими пословицами и поговорками. Для некоторых параллелей уместно обращение к общеевропейскому паремиологическому наследию.

ВЛИЯНИЕ ТУВИНСКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА НА ВОСПРИЯТИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ПРИЗНАЧНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Монгуш Н. О.

Томский Государственный Университет, г. Томск

Исследование восприятия перцептивной семантики в условиях билингвизма позволяет выявить степень влияния родного языка на формирование перцептивных компонентов значения слов второго языка. Цель данной работы – сопоставить количественные характеристики перцептивных профилей призначных слов (прилагательных и глаголов) русского и тувинского языков в сознании тувинско-русских билингвов.

Эмпирическую базу составили оценки 200 прилагательных и 200 глаголов русского языка, а также их переводные эквиваленты – 200 прилагательных и 200 глаголов тувинского языка. Стимульный материал был оценен тувинско-русскими билингвами с использованием семибалльной шкалы Ликерта по пяти модальностям восприятия: зрительной, слуховой, обонятельной, вкусовой и осязательной. Словник для русского языка был сформирован на основе базы данных RuWordPerception¹. Анализ описательных статистик (средних значений) позволил установить значимые межъязыковые различия.

Результаты демонстрируют, что перцептивная семантика тувинских и русских призначных слов не является симметричной. В группе прилагательных наблюдаются наиболее выраженные расхождения. Средние оценки тувинских прилагательных превышают русские по четырем из пяти модальностей: зрительной (4,28 против 4,02), слуховой (4,03 против 3,15), обонятельной (3,95 против 3,07) и вкусовой (3,50 против 2,98). Особенно контрастны различия по слуховому и обонятельному каналам (разница +0,88), что свидетельствует о высокой значимости этих сенсорных компонентов в семантике тувинских имен прилагательных. Единственная модальность, где оценки русских прилагательных незначительно опережают тувинские – осязание (3,49 против 3,38).

В группе глаголов выявлена иное распределение. Тувинские глаголы оцениваются выше по зрительной (3,92 против 3,53) и осязательной (3,42 против 3,02) модальностям. При этом разница по осязательной модальности является максимальной (+0,40), что позволяет предположить особую роль осязания в семантике тувинских глаголов действия. Русские глаголы, в свою очередь, демонстрируют более высокие средние значения по обонятельной (3,39 против 3,11) и вкусовой (3,33 против 3,07) модальностям. Слуховая модальность оказалась практически идентичной для глаголов обоих языков (3,49 и 3,55).

Таким образом, тувинско-русские билингвы демонстрируют асимметричное восприятие семантики родного и второго языков. Тувинский язык, особенно в категории прилагательных, отличается полимодальностью с преобладанием слуховых и обонятельных компонентов. Русский язык в сознании билингвов обнаруживает иную организацию сенсорных признаков: у прилагательных доминирует осязательная модальность, у глаголов — обонятельная и вкусовая. Полученные результаты открывают новые перспективы для кросс-культурных исследований в психолингвистике, углубляют понимание механизмов взаимодействия языковых систем в билингвальном сознании и вносят вклад в развитие теории воплощенного познания.

¹ Резанова З.И., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики имен существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (На основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40.

¹ Резанова З.И., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики имен существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (На основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40.

ТРУДЫ А. П. ГЕОРГИЕВСКОГО ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ, УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Оглезнева Е. А.

Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

В фокусе исследовательского внимания в докладе труды А. П. Георгиевского, выпускника Санкт-Петербургского археологического института (1913 г.) и факультета русского языка и литературы Санкт-Петербургского университета (1914 г.), продолжившего свою научную деятельность в Казани, где на формирование его научного мировоззрения оказал влияние И. А. Бодуэн де Куртенэ. Впоследствии А. П. Георгиевский был профессором Государственного дальневосточного университета с момента его открытия и занимался изучением говоров и фольклора Приморья, Приамурья и Забайкалья.

Основные результаты исследований А. П. Георгиевского были представлены в жанре фольклорно-диалектологических очерков и опубликованы в 7 выпусках монографического описания "Русские на Дальнем Востоке" (1926-1932).

Георгиевского интересовала история заселения края русскими, при этом русский этнос понимался им широко: «Название – русские – на Д[альнем] В[остоке] обыкновенно объединяло все славянские народности, говорившие на русском языке. Под это название наряду с собственно русскими (великоруссами) подводились не только такие крупные на ДВ народности как украинцы и белорусы, но и поляки, чехи и др.»¹. Однако ученому по результатам диалектологической экспедиции в Амурский край, в частности, в результате обследования 174 населенных пунктов удается выделить следующие группы говоров: старожильческие и новосельческие русские говоры, казачьи говоры, украинские говоры, белорусские говоры, смешанные говоры. При этом он указывает на то, что «во всех тех случаях, где мы говорим о русских, украинских и белорусских говорах, речь идет о преобладающих в той или иной степени, а не чистых»².

Материалом для характеристики говоров на этой территории стали собственные наблюдения и записи А. П. Георгиевского, а также ответы на «Программу собирания сведений о старине, быте, творчестве и языке Дальневосточной области» (1925) и некоторые другие рукописные материалы.

А. П. Георгиевский показывает, что совокупность функционирующих в регионе языков связана с народонаселением края, коренным и пришлым; актуальные идиомы – в основном диалекты – определяются социальным составом коренного и пришлого населения; возникающие новые формы языкового взаимодействия («русско-китайский, русско-туземный диалекты») – особенностями взаимодействия этносов в конкретных исторических обстоятельствах.

В своих работах Георгиевский наряду с методами диалектологии использует социолингвистический подход к анализу русских, украинских и белорусских говоров на Дальнем Востоке в 20-30-е гг. XX в. задолго до возникновения социолингвистики как отдельного направления языкознания и делает ряд ценных заключений, касающихся как специфики контактирования различных славянских и неславянских диалектных систем, так и особенностей языка отдельных социальных типов славянских языковых личностей и их речевого поведения.

¹ Георгиевский А. П. Диалектология Дальневосточного края в связи с этнологией: Ряд статей к курсу истории русского языка и диалектологии. Владивосток, 1930. С. 3. (На правах рукописи).

² Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 5. Фольклорно-диалектологический очерк ДВК // Говоры Приамурья (бывш. Амурского и Зейского округов ДВК). Владивосток: Тип. Дальневост. политехн. ин-та, пединститута, 1930 б. 34 с./Тр. Дальневост. пед. ин-та. Сер. III, №1(10). С. 10.

**АРХАИЧЕСКИЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ УДАРЕНИЯ
В ГЛАГОЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕСЕРБСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ)**

Пекунова И. С.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Вопрос о том, в каких языковых зонах сохраняются те или иные архаизмы, а в каких, напротив, можно с большей вероятностью ожидать развития инноваций, принадлежит области лингвистической типологии. Наряду с общеизвестными фактами особой устойчивости архаических черт в таких сверхчастотных грамматических микросистемах, как личные местоимения или вспомогательные глаголы-связки, и длительного сохранения так называемой базисной лексики (100 или 200-словники), в языке могут иметься и не вполне очевидные области консервации архаизмов, связанные с определенными морфонологическими, синтаксическими или семантическими характеристиками.

Сохранение старых и развитие новых моделей акцентуации в славянских языках отчасти также может быть осмыслено в рамках указанной типологической проблематики. В докладе рассматривается в этой связи акцентуация тематических глаголов по данным письменных памятников двух славянских регионов – южносербского и восточнорусского, с учетом данных и других славянских языков.

С одной стороны, в обеих системах (как и в других славянских языках) для обсуждаемых глагольных лексем оказывается значимым противопоставление по морфонологической структуре корня: глаголы с корнями, оканчивающимися на гласный или сонант, противопоставлены в акцентном отношении глаголам с исходом корня на шумный согласный. При этом разнообразие акцентных моделей в первой группе – выше и предоставляет лучший материал для сопоставительного анализа и внутренней реконструкции праславянского акцентного состояния. На указанное разграничение впервые обратил внимание В. А. Дыбо. Согласно его анализу, в среде тематических глаголов с корнями на нешумный, несмотря на имеющиеся в некоторых диалектах аналогические перестройки, праславянская система акцентных типов просматривается достаточно надежно, тогда как для глаголов с корнями на шумный соответствующая реконструкция до сих пор чрезвычайно проблематична. Вопрос о том, по какой причине зона лексем с «неприкрытым» корнем оказывается более архаичной с точки зрения акцентуации, не вполне прозрачен, плодотворным кажется здесь соображение о морфонологической нерегулярности этой зоны.

С другой стороны, сербские системы показывают сохранение исконного противопоставления акцентных типов глаголов 4-го класса в формах аориста, в русских же памятниках это противопоставление по большей части потеряно: новое ударение на окончании проникает даже в аористы лексем а.п. *a*. При этом в л-формах древние различия акцентовки в русских памятниках достаточно устойчивы. В этом случае причина инновационного выравнивания акцентных моделей в аористе и сохранения исконного многообразия в л-причастиях, по-видимому, заключается в том, что формы аориста, вышедшие из живого употребления в древнерусском, получают единое «книжное» ударение, а широко употребительные в качестве прошедшего времени л-формы сохраняют традиционные акцентовки, усваиваемые носителями не в результате обучения грамматике, а непосредственно при освоении родного языка.

КИТАИЗМЫ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ СМИ БЕЛАРУСИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Пивоварчик Т.А.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Социокультурные процессы глобализации и развития многополярного мира обуславливают активное пополнение лексического состава русского и белорусского языков заимствованиями из разных языков-источников и определяют значимость и роль слов иноязычного происхождения в языках-реципиентах. В последние два десятилетия в русско- и белорусскоязычные тексты СМИ Беларуси активно проникает лексика китайского происхождения, хотя контактируют типологически, структурно и генеалогически различные языки.

Цель статьи – определить лингвокультурологическую и лингвопрагматическую специфику проникновения китаизмов в русско- и белорусскоязычные тексты СМИ Беларуси.

В системе факторов, способствующих вхождению китаизмов в медиадискурс Беларуси, заметны следующие: культурная дипломатия Китая в рамках стратегии «мягкой силы», распространение китайского языка как мирового языка-посредника, рост престижа китайского языка. Обнаруживается ряд закономерностей отражения в медиатекстах особенностей межъязыкового и межкультурного взаимодействия белорусского и китайского народов на этапе их «железного братства». Большая часть китаизмов представляет собой с точки зрения семантики экзотизмы и ксенонимы, с точки зрения степени их освоенности носителями русского и белорусского языков – иноязычные вкрапления. Наиболее активно входит в медиатексты общественно-политическая лексика и лексика, обозначающая продукты питания, еду и напитки. Если «ответственность» за вхождение общественно-политической лексики в медиатексты напрямую несут журналисты (фактор медиатизации политических процессов), то в случае использования слов, называющих продукты питания, еду и напитки, журналисты просто отражают активные процессы освоения китайских культурных реалий в повседневной жизни белорусов.

Обнаруживаются различия в степени и характере вхождения неологизмов китайского происхождения в медиатексты одной и той же тематики и по одним и тем же событийным поводам, написанные на русском и белорусском языках. В белорусскоязычных текстах вместо варианта, образованного на основе транскрипции, предпочтение нередко отдается семантической кальке или подбираются описательная конструкция и белорусскоязычный синоним. В целом заметно, что русскоязычный дискурс оказывается в большей степени открыт лексико-семантическим инновациям, в то время как в белорусскоязычном дискурсе наблюдается тенденция к своего рода межъязыковому пуризму.

Лексико-семантическая динамика текстов СМИ Беларуси в последние двадцать лет позволяет высказать предположение о том, что при сохранении актуальных тенденций усиления мировой роли КНР и укрепления разнонаправленного партнерства Беларуси и Китая вхождение китаизмов в языковое и смысловое пространство как русскоязычного, так и белорусскоязычного медиадискурса будет расширяться.

**ПИСЬМА ЧЛЕНОВ ОБЩИНЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В САНТА-РОЗЕ (РИУ-ГРАНДИ-ДУ-СУЛ, БРАЗИЛИЯ):
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Пилипенко Г. П.

Институт славяноведения РАН, г. Москва

Во время проведения полевого исследования с целью документирования славянских языков в странах Южной Америки в 2024 г. исследователям удалось поработать в архиве Русской православной церкви Святых Апостолов Петра и Павла в городе Санта-Роза (штат Риу-Гранди-ду-Сул, Бразилия)¹. Ранее в обсуждаемом регионе лингвистическое обследование не проводилось. В архиве хранится много документов, связанных с деятельностью православной общины: переписка с высшим церковным духовенством РПЦЗ, хозяйственные документы, отчеты и справки, метрические книги, а также письма прихожан. Архивные материалы написаны на русском, португальском и испанском языках. Большая часть документов создана на печатной машинке, тогда как некоторая часть является рукописной, она и представляет особый интерес для лингвистического анализа. Цель сообщения – ввести в научный оборот документы и выявить особенности контактного взаимодействия, как межславянского, так и славянско-романского характера.

В первой части доклада будет охарактеризована ситуация со славянскими переселенцами в обсуждаемом регионе. Здесь сформировались несколько поселений выходцев из Российской империи (Кампина-дас-Миссойнс, Пратус). Переселенцы прибывали в начале XX века в основном из западных губерний России, имеются также выходцы из Сибири. Впоследствии после Первой мировой войны к ним добавились выходцы из восточных воеводств Польши. Таким образом, этнический состав данной местности смешанный, здесь встречаем носителей белорусского, русского, украинского и польского языков. Современная языковая ситуация характеризуется постепенным вытеснением славянских языков из сферы повседневного общения, носителями данных языков являются в основном люди старшего возраста. В докладе будут обсуждаться обнаруженные метрические книги и антропонимы, зафиксированные в них.

Во второй части доклада будут проанализированы письма членов православной общины города Санта-Роза, написанные в 1970-х гг. В письмах они обращаются к церковному руководству с жалобой на священника. Данные письма представляют чрезвычайный интерес для контактологических исследований, являются прекрасным образцом так называемого «наивного письма». Созданы они на русском языке, но в них фиксируется влияние украинского и белорусского языков прежде всего на лексическом и морфологическом уровнях. Письма будут полностью транскрибированы и рассмотрены с точки зрения отражения влияния украинского и белорусского языков. Отдельно будут рассмотрены лексические заимствования из португальского языка, их фонетическая и морфологическая адаптация.

¹ Пилипенко Г. П., Борисов С. А., Немчинов В. А. Обзор полевого исследования славянских сообществ Аргентины и Бразилии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 161–186

ТЕОМОРФНЫЕ ПРИЗНАКИ СУДЬБЫ В СЛАВЯНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Пименова М. В.

Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Санкт-Петербург

Цель доклада – описать теоморфные признаки судьбы в славянских лингвокультурах.

Разные лингвокультуры воспроизводят похожие образы, имеющие общий источник. В случае с судьбой таким источником является образ Великой Богини-матери – пряхи. Судьба обычно персонифицируется. У разных народов есть несколько богинь судьбы: духи рода, определяющие судьбу рождённых. В славянской мифологии это существа (обычно женского пола), управляющие судьбой. Суденицы – три сестры, «младшей из которых 20 лет, а старшей 30–35. Они бессмертны и приходят издалека, обычно в полночь (на третий день после рождения ребенка в его дом, чтобы «судить» или «наречь» ему жизненную судьбу»¹. У болгар это настоящий ритуал: сначала нарекает судьбу младшая из судениц, затем средняя и слово старшей оказывается самым вещим и определяющим. Сербь верили, что старшая предрекала смерть, средняя – физические недостатки, младшая определяла время жизни, отведённое ребёнку. Установленная судьба не подвергалась изменению, но младшая из судениц могла смягчить удары судьбы. Верили, что судьбу писали младенцу на лбу, отсюда выражение *Так ему на роду написано*¹.

В южнославянской традиции есть предания, что на третий день к новорождённому приходят суденицы, чтобы наделить его судьбой. Дом приводят в порядок, роженицу одевают в чистую одежду, пеленают ребёнка в чистые пелёнки. У чехов отличительными атрибутами судениц являются белые одежды (признак смерти и очищения) и горящие свечи. В сербской мифологии суденицы невидимы, они проникают в дом через дымоход.

Восточные славяне не упоминают судениц в своих сказках, но о них говорится в быличках и народных рассказах. В русских плачах обращаются к судинушке, наделившей судьбой. Славянский имяник сохранил мужское имя *Суди-слав*, содержащее в себе обрядовую формулу-заговор «добывать славу – делать знаменитым»¹.

В русском языке бытуют выражения *Наши судьбы переплелись; Их судьбы связаны*. Эти метафоры восходят к мифу о судьбе-прыхе. У славян такой пряхой была Макошь / Мокошь: она «продолжает древний образ женского божества – жены (или женского соответствия) громовержца Перуна в славянской мифологии»².

Жену Перуна звали Перыня (корень **пернатые**). И на её челе был венец из звёзд.

Прообразом богинь-прых была Великая Богиня-мать, которая олицетворяла не только хаос, но и космос – устойчивый миропорядок; ее отличительным атрибутом был венец из звезд. В качестве символа космоса может выступать ткань (ср.: **материя**).

У кого мы встречаем признак звёзд на челе, и кто пернат?

За морем царевна есть, <...>

Месяц под косою блесит,

А во лбу звезда горит (Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане).

Царевна-лебедь – это Перыня (пернатая). Она же Макошь / Мокошь – богиня-прых.

¹ Толстой Н.И. Суденицы // Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.

² Иванов В.В., Топоров В.Н. Суд // Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.

**ЧЕШСКАЯ, КОНСТРУКЦИЯ «N JSOU PROSTĚ N»
КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ ФРАЗЕОСХЕМОЙ «N1 ТАКИЕ N1»)**

Попова Л. В., Марьянчик В. А.

¹Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова г. Архангельск

Марьянчик Э. В.

Карлов университет, г. Прага (Чехия)

Актуальность темы обусловлена тенденцией речевого узуса: реализуемое в экспрессивных тавтологиях стремление к максимальному прагматическому эффекту при минимальных лексических ресурсах. Тавтологические фразеосхемы активно исследуются на стыке фразеологии, синтаксиса, прагматики и когнитивной лингвистики. Конструкция *N1 такие N1* описана нами ранее¹. В чешском языке тавтологические конструкции также имеют прочную традицию и высокую степень активности.

Тавтология в устойчивых конструкциях рассматривается как дискурсивная практика, под которой понимается принятый в данном языковом сообществе способ выражения некоторого смысла (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский).

Цель работы – выявить общее и различное в прагматическом потенциале структуры *N jsou prostě N* и её речевого эквивалента в русском языке.

Результаты основаны на корпусном исследовании, позволяющем проследить исследуемые конструкции в аутентичных коммуникативных контекстах. Были использованы CNK (Национальный корпус чешского языка), SYN v8 (Синхронный корпус письменного языка), ORAL (Корпус аутентичного разговорного языка), Aganeum Bohemicum Maximum (веб-корпус), InterCorp v13, инструмент Treq (Поиск переводческих эквивалентов), НКРЯ (Национальный корпус русского языка) и ГИКРЯ (Генеральный интернет-корпус русского языка).

Выявлено, что частица *prostě* в чешской тавтологической конструкции наилучшим образом компенсирует значение «типичности» и «ожидания», которое в русской конструкции актуализирует местоимение *такие*.

Количественный и семантический анализ с выбранными операторами показал высокий уровень продуктивности конструкции с дискурсивной частицей *prostě*. С учётом семантики имён в позиции *N* примеры разделены на три функциональные группы: гендерные и возрастные стереотипы; апелляция к человеческой природе; семантика «непередаваемого опыта», напр., *Vary jsou prostě Vary*.

Сопоставительный анализ показал, что русская фразеосхема воспринимается как относительно новое явление, характерное для цифровой коммуникации, чешская тавтология опирается на грамматический узус. Чешская конструкция выступают как традиционное предикативное суждение; русский вариант транслирует языковую моду, легко адаптируется в цифровой среде, например, в виде хэштегов.

В чешских примерах тавтология часто служит последним дискурсивным аргументом. выражается так называемая «эпистемологическую покорность». В обоих языках происходит активизация семантики «типичности». Чешская конструкция направлена на подтверждение объективной обоснованности стереотипа; частица *prostě* выступает в качестве аргументативного маркера, который формулирует ситуацию как неоспоримый факт. Русская и чешская конструкции используют разные структурные средства, но имеют общую прагматическую цель – активизировать коннотативный потенциал существительного.

¹ Марьянчик В. А., Попова Л. В. Блогеры такие блогеры, или О новой фразеосхеме в русском языке // Русская речь. 2023. № 2. С. 70-82.

РУССКИЙ ЯЗЫК (РОДНОЙ И ИЗУЧАЕМЫЙ) В СИСТЕМЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

Резанова З. И., Владимирова В. Е.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе представлены результаты анализа интеракции двух глобальных тенденций в развитии коммуникаций в современном обществе: виртуализация среды общения и активизация мультилингвальных речевых практик как в «реальной» коммуникации, так и виртуальной.

Анализ имеющихся публикаций по рассматриваемой теме (исследования, проведенные в Малайзии, Таиланде, Пакистане, Испании (Samira Ahmad, M.S. Khan и др., P.Poramathikul и др., M.-L. Malerba) свидетельствует о том, что качественные и количественные показатели виртуального билингвального общения в соотношении с различными социальными практиками, в том числе учебными, определяются прежде всего спецификой языковых ситуаций в различных странах, вариантов положения в них первого и второго языков, что свидетельствует о необходимости эмпирических разработок в данном проблемном поле.

Исследование, результаты которого представлены в докладе, имеет разведочный характер и призвано ответить на вопросы о распределении сфер коммуникации на родном и осваиваемом языке в пространстве «реальной» и виртуальной коммуникации, о том, коррелирует ли это распределение с уровнями владения разными формами (понимание, чтение, говорение, письмо) осваиваемого языка. Данная проблематика фокусируется относительно билингвальных пар с участием русского языка. При этом в одной из исследуемых выборок респондентов русский язык функционирует как родной, а вторым является английский язык, в двух других выборках русский язык занимает позицию второго, изучаемого, а родными языками являются таджикский и узбекский.

Исследование базируется на основе анкетирования, которое проведено членами лаборатории лингвистической антропологии ТГУ в Томском государственном университете и зарубежных вузах: У. Махмудовым в Ургенчском государственном университете (Узбекистан) и коллективом под руководством Д. М. Искандаровой в Российско-Таджикском (Славянском) университете (Таджикистан).

К исследованию было привлечено 210 русско-английских, 84 таджикско-русских и 70 узбекско-русских билингвов. Выборки респондентов, противопоставленных по позиции русского языка (родной – изучаемый), сбалансированы по социальным признакам: возрасту (18-24 года), гендерной принадлежности (во всех выборках количество лиц женского пола преобладает), уровню (студенты бакалавриата составляют большинство, менее представлены студенты второго уровня образования и недавние выпускники вузов) и сферы образования (во всех выборках абсолютно преобладают представители гуманитарной сферы деятельности). При этом группы респондентов отличаются по времени начала освоения второго языка (дошкольный – младший и средний школьный возраст), по времени начала участия в виртуальных коммуникациях, а также по активным сферам коммуникации и позиции в них (активная – пассивная) на втором языке.

Установлены корреляции между качественными и количественными различиями в типах виртуальной коммуникации на втором языке и самооценками учебными билингвами уровня владения на втором языке по параметрам – понимание, говорение, чтение, письмо.

СЛАВЯНИЗМЫ В «ПРИКЛАДАХ КАКО ПИШУТСЯ КОМПЛИМЕНТЫ РАЗНЫЕ»¹ (1708): ТИПЫ, ФУНКЦИИ, ИСТОЧНИКИ

Руднев Д. В.

Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

«Приклады како пишутся комплименты разные», изданные в 1708 г. тиражом 300 экз., стали второй книгой (вслед за книгой «Геометрия славенски Землемерие»), напечатанной новой гражданской азбукой. В основе текста лежал осуществленный М. П. Шафировым (1681 – после 1733) выборочный перевод двух немецких сборников образцовых писем (письмовников) конца XVII в. – «Der Allzeitfertige Secretarius» Каспара Давида фон Штилера и «Des allzeitfertigen Brieffstellers Anderer Theil» Августа Бозе.

Исследователи отмечают, с одной стороны тяжеловесность языка первого русского письмовника (П. П. Пекарский), с другой стороны, его буквализм (Г. Шайдеггер). Одна из задач, которая стояла перед русским переводчиком, заключалась в поиске стилистического рисунка перевода. Выбранный им стиль резко контрастировал с допетровской манерой писать письма. Текст «Прикладов» отличается книжной манерой и насыщен многочисленными славянизмами, которые создавали особенный приподнятый стиль. На уровне морфологического оформления прослеживается активное включение в состав текста архаичных форм существительного, прилагательного и отчасти глагола. На уровне лексики отмечается широкое использование слов, имеющих внешние признаки славянизмов. Шире всего представлена неполнозначная лексика: в состав текста активно включаются архаичные союзы (*понеже, ибо, дабы, егда* и пр.), наречия и частицы (*вкуне, тако, точно* и др.), местоимения (*оний, сей, таковой, аз* и т.д.), форма настоящего времени глагола *быть* (*есмь, еси* и пр.). Этими чертами текст «Прикладов» сближался с другими текстами петровского времени, отличаясь от них лишь более широким кругом неполнозначной славянизированной лексики.

Наибольший интерес представляет полнозначная лексика славянского типа в тексте первого русского печатного письмовника, который изобилует, с одной стороны, словами-композиатами, а с другой – отвлеченной лексикой с суффиксами *-ост'*, *-ениј-*, *-аниј-* и др. Этот пласт слов широко использован для перевода немецкой лексики, описывающей социальное поведение человека, его статусное положение, а также имеющей этикетный характер. Сопоставительный анализ текстов источников и русского перевода, привлечение к анализу допетровского языкового материала, западнорусских и польских текстов и исторических словарей обнаруживает, что, например, одна часть слов с суффиксом *-ост'* (типа *знаемость, склонность*) была взята переводчиком из западнорусского речевого узуса, другая – заимствовалась из церковнославянской лексики, третья – создавалась для перевода немецких отвлеченных слов. Таким образом, значительная часть слов-славянизмов в тексте «Прикладов» не имеет прямого отношения к церковнославянскому языку и, внешне их напоминая, является результатом заимствования из западнорусской (польской) речи или калькирования немецких слов. Вместе с тем и собственно славянизмы, и псевдославянизмы участвовали в создании особой приподнятой тональности новой эпистолярной речи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 25-28-02544

ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМ *ЭНЕРГИЯ* / *ENERGIA* И *ВИБРАЦИИ* / *WIBRACJE*

Румянцева О. С.

Институт славяноведения РАН, г. Москва

Для эзотерического дискурса, как и для любых дискурсивных формаций, характерна когнитивная и коммуникативная общность: авторы и адресаты текстов исходят из убежденности в существовании сверхъестественных сил, управляющих всем сущим. Знание об устройстве вселенной при этом мыслится как доступное лишь посвященным, агентам эзотерического дискурса – по этой причине для рассматриваемого типа дискурса характерно формирование собственной терминологии, а также употребление лексем обыденного языка в новых значениях.

В докладе процессы семантических трансформаций будут рассмотрены на примере лексем *энергия* и *вибрации* и их польских соответствий *energia* и *wibracje*. Материалом послужили тексты современных социальных сетей 2024–2026 гг. Особенный интерес представляют контексты, в которых пользователи напрямую формулируют определения анализируемых слов.

Одним из ключевых понятий эзотерики является *энергия*. Анализ материала продемонстрировал: в интернет-коммуникации лексема используется не только в словарных, но и в новых значениях – ‘сила сверхъестественного характера’, ‘психическое состояние’ и ‘ощущение, которое возникает при контакте с кем-либо или чем-либо’. Смещение значения слов приводит к образованию новой лексической сочетаемости: *женская, венецианская, теплая энергия; энергия течет, вытесняется, сливается; энергия хаоса, изобилия; обмен энергиями* и др. В польскоязычных текстах – *chaotyczna, mloda energia; przekazac, odczytac, uwielbiac, energie; energia rodu, domu* и др.

Энергия человека проявляется, среди прочего, через его *вибрации* (слово в эзотерическом дискурсе используется преимущественно во множественном числе). Не отрываясь полностью от своего словарного значения, лексема сначала употребляется метафорически по отношению к колебаниям, которые излучают человеческие эмоции. В процессе развития значения слово переосмыляется: одним из самых частых определений понятия в текстах пользователей является *состояние, чувства*; и в русском, и в польском языке формируются фразеологические единицы *высокие и низкие вибрации, wysokie и niskie wibracje*. Расширяется глагольная и адъективная сочетаемость: *привлекать, поднимать, тестировать вибрации; позитивные вибрации; przyciagac, nakrecac wibracje; rudzielcze, mietowe, jesienne wibracje* и др. Семантические сдвиги затрагивают и дериваты, что проявляется, в частности, в новой синтаксической сочетаемости (*вibriровать страхом*).

На основе анализа контекстов, пользовательских дефиниций и сочетаемости выявляются различия в семантическом наполнении и функционировании польских и русских лексем. Особое внимание уделяется проникновению неосемантов в обыденную коммуникацию, выходящую за пределы собственно эзотерического дискурса.

«КОНЬ» И «ЛОШАДЬ» В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРЕ: ФРАЗЕОЛОГИЯ, ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ, СЛЕНГ

Савченко А. В.

Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй (Тайвань)

Хмелевский М. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Актуальность избранной темы определяется как общей культурологической значимостью образа «коня» / «лошади» в общеславянской культуре, так и чисто лингвистическими, функционально-прагматическими характеристиками данных лексем, включая метафорику – фразеологию и паремиологию, а также стилистической вариативностью ее употребления в языке: от терминологии (официальный стиль) до жаргона, сленга (разговорно-просторечный регистр речи).

Внутренняя семантическая насыщенность анализируемых лексических компонентов внутри фразеологических сращений, устойчивых сравнений, паремий и образных эпитетов рассматривается в культурологическом аспекте на базе славянских языков с привлечением материала балтийских языков. Так, в литовском языке *конь* – *arklys* – слово вполне прозрачное для литовца, т.к. мотивировано глаголом *arti*, восходящим к праславянскому – ‘орать, вспахивать’, т.е. букв. ‘пашущий’ (ср. архаичное чешское *oř*, образованное по аналогичной модели метафорического переноса значения).

Языковые данные славянских языков представляют собой богатейший лингвокультурологический материал, отражающий мировоззрение древнего человека в историческом, образном и культурном пространстве. В докладе рассматриваются этимологические особенности единиц, как, например, наличие в русском языке, наряду с общеславянским словом *конь*, тюркского по происхождению *лошадь*. В этой связи отметим рассказ А. П. Чехова «Лошадиная фамилия» и проблемы его перевода на другие славянские языки, где отсутствует лексема *лошадь*: сербск. *Konjsko prezime*, чешск. *Koňské příjmení*. Стоит подчеркнуть и расхождение в семантике слов в русском языке: *конь* – *лошадь*, которое отсутствует у других славян. Русское *конь*, если анализировать фразеологический материал, по большей части соотносится с представлением о гордости, победе, успехе (напр., *сесть на коня*; *выпить на коня* – т.е. «стременную», на посошок, *быть на коне*; сербск. *biti na konju*, ср. чешск. *koníček* и русск. *конек* – ‘любимое дело, увлечение, хобби’), тогда как *лошадь* в основном ассоциируется с тяжелым трудом, зачастую бесполезным или неблагодарным: *работать / устать как лошадь*, *ломовая лошадь* (ср. сербск. *raditi kao konj*, *lomovi konj*, где подобных стилистических оттенков нет). Русские прецедентные тексты также подчеркивают эту разницу, достаточно вспомнить такие расхожие в разговорном языке фразы, как *Кони провередливые*; *богатырский конь*; *конь крылатый*; или фразеологизмы: *коней на переправе не меняют*; *старый конь борозды не портит* и т.п. В свою очередь *лошадь* в качестве компонента устойчивых сочетаний употребляется с совсем иной семантической наполненностью: *не гони лошадей*; *старая лошадь*; *пахать как лошадь* и т.п.

Отдельное внимание в докладе уделяется не только общему, универсальному, но и национально-специфическому в семантическом и фразео-паремиологическом аспектах у славянских народов, равно как и особенностям лексем *конь* / *лошадь* с точки зрения их функционирования и узнавания носителями той или иной культуры закрепленных и отраженных в языке значений, смыслов, образов, символов и метафор.

ЛЕКСИКА ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Садыкова И. В.

Томский государственный университет, г. Томск

Осязание – это один из двух способов обязательно контактного (хотя в некоторых случаях и воображаемого) восприятия окружающего мира, наряду со вкусовым. В этом процессе обязательными участниками оказываются субъект, объект и инструмент восприятия. Кроме того, тактильное восприятие, как и любое другое, предполагает разную степень интенсивности в зависимости от цели, которую преследует субъект. Все названные элементы входят в семантическую структуру тех слов, которые именуют то или иное восприятие.

Объектом настоящего исследования является лексика, используемая в современных южнославянских языках для обозначения тактильного восприятия окружающей действительности. Материалом исследования послужили данные словарей различного типа. Цель данного исследования – выявить особенности номинации тактильного восприятия в каждом из южнославянских языков.

Формирование перцептивной лексики происходило поэтапно, что отражает постепенное осознание и выделение каждого из способов восприятия (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус)¹.

Основываясь на лексикографических данных, мы построили синонимические ряды слов-наименований тактильного восприятия действительности для каждого из южнославянских языков. Эти синонимические ряды не совпадают как по своему количественному составу, так и по входящим в них лексемам. Так, большее количество слов, именующих тактильное восприятие, обнаруживается в современных болгарском (*пипам, допирам, барам, барвам/побарвам, бутам/побутвам, докосвам, закача́/закачвам, касае се, покътвам, похващам*) и сербском языках (*тицати, такнути, дирати, диркати, дирнути/додирнути, тангирати, осетити*). В других южнославянских языках лексем с семантикой осязания значительно меньше: а) хорватский язык – *dođir, pipati, osjećaj*; б) словенский язык – *tipati, dotikati se, dotakniti se, čutiti*; в) македонский язык – *допира, докоснува/докосне, пипа, осети/усети*.

Субъектом осязания во всех случаях является человек, при этом субъект может быть активным, выполнять действие целенаправленно (например, болг. *закача́/закачвам, похващам*, серб. *такнути*), или действия субъекта могут носить менее целенаправленный, даже пассивный характер, тактильное восприятие происходит неосознанно, мимоходом (например, болг. *касае се*, серб. *диркати*). Однако в большинстве случаев в семантике глаголов тактильной перцепции представлена разная степень активности субъекта восприятия одновременно. Объектами осязания становятся как реальные, конкретные предметы, так и абстрактные, отвлеченные. В качестве инструмента, используемого в процессе тактильного восприятия (если судить по материалам словарей), выступают преимущественно руки.

У многих рассмотренных лексем развиваются переносные значения, в большей степени они связаны с характеристикой эмоционального состояния человека. Однако есть и неожиданные семантические переходы, например: у болг. *закачам* в разговорном языке формируется переносное значение «урывать, прихватывать (что-л.), пользоваться, на даровщинку (чем-л.)» и др.

Перцептивная семантика не у всех глаголов является первичной (например, болг. *бутам* «толкать» > «трогать», *закача* «задевать, зацеплять» > «трогать, касаться»), формируется зачастую из значения активного движения субъекта, направленного на объект.

В южнославянских языках не сформировалось общей лексики для обозначения тактильной перцепции, хотя и есть однокоренные глаголы, объединяющие два или три южнославянских языка (например, болг. *пипам*, макед. *пипа*, хорв. *pipati*).

¹ См. об этом подробнее Садыкова И.В. Лексика тактильной перцепции в восточнославянских языках // Русин. 2016. № 3 (45). С. 49–51.

ЦВЕТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КЛЕВЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО N-КОРПУСА И НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Сивова Т. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Актуальность проведенного корпусного исследования обусловлена стоящей перед лингвистикой цвета¹ задачей создания целостного описания цветовой концептосферы языка. Цель исследования – описать на материале колористических дескрипций клевера сегмент цветовой концептосферы флористического пространства белорусского языка в сопоставлении с русским. Материалом послужили извлеченные из Национального корпуса белорусского языка (Беларускі N-корпус²) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ³) цветоописания клевера.

В результате исследования установлено следующее:

1. Цветовые дескрипции клевера фиксируются в произведениях ок. 20 авторов, среди которых: П. Броўка, Я. Брыль, Змітрок Бядуля, У. Караткевіч, І. Мележ, І. Пташнікаў и др.

2. Цветовой спектр, значимый в визуализации клевера, согласно N-корпусу, включает 7 терминов цвета (ТЦ): **чырвоны** 15 (*чырванець, чырвоны*); **малінавы** 6 (*густа-малінавы, малінавы*); **белы** 5 (*белы, бялець*); **зялёны** 4 (*зеянецца, зеянець, зялёны*); **ліловы** 2 (*бэзава-ліловы, лілавець*); **ружовы** 2 (*бурачкова-ружовы, ружавець*); **бэзавы** 1 (*бэзава-ліловы*).

3. Доминанта *чырвоны* (15); в описаниях актуализируются цветовые композиты (3).

4. Спектр расширяется лексемами со значен. ‘быть в цвету’ (*расцвесці, цвісці, цвітучы, цвіценне*); со значен. ‘спелы’ (*спелы*); ‘свет’ (*блішчаць, дзіва-касцер, польмна, польмя*).

5. ТЦ коррелируют с фитонимом *канюшына*, с др. фитонимической лексикой (*атава, кветка, суквецце*), пространственной (*поле*), соматической (*галоўка*), параметрической (*шар*).

6. Функциональность цветоописаний реализуется в онтологической, родо-видовой, изобразительно-выразительной, символической, в функции создания цветового хронотопа⁴ – 6.1 цветового пространства (3): а) пространства природы: флора, ландшафт, в образном значен. водное пространство; б) человека: эмоциональный код; в) науки: биология, фармакология, животноводство, пчеловодство; 6.2 цветового времени (1): ТК «Фаза вегетации».

В докладе устанавливаются сходства и различия в цветовой перцепции и визуализации клевера⁵ при последовательном сопоставлении данных N-корпуса и НКРЯ.

¹Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

²Беларускі N-корпус – Режим доступа: <https://bnkorus.info/> (дата обращения 20.01.2026).

³НКРЯ – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 11.05.2025).

⁴Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Минск, 2018. 32 с.

⁵Сивова Т. В. Какого цвета клевер? (опыт полидискурсивного исследования) // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных: сб. трудов Международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., проф. О. П. Ермаковой. Калуга: 2025. С. 355–364.

СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ ПРОЗВИЩ, МОТИВИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЯМИ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНСТИТУЦИИ ТЕЛА

Сипливеня Ж. С., Бубнович И. И.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Объектом исследования в докладе выступают прозвища с мотивировочным признаком, детерминированным конституцией тела. Подчеркивается, что соматотип, наряду с другими особенностями внешнего вида, является одним из доминирующих параметров, положенных в основу неофициального имени, функционирующего в узком коллективе носителей языка. В докладе прослеживается влияние на формирование прозвищного пространства в Беларуси не только экстралингвистических факторов (место проживания, возраст, пол, профессиональная деятельность говорящих), но и особенностей языковой среды, обусловленной белорусско-русским билингвизмом. Исследование прозвищ указанного типа представляет определённый интерес, поскольку позволяет выявить специфику русской и белорусской языковой картины мира.

Цель исследования – определение универсальных и дифференциальных принципов неофициального названия лица в условиях контактирования близкородственных языков, анализ структурных особенностей прозвищ, основанием для возникновения которых послужили параметры роста, полноты либо худощавости телосложения человека.

Материалом для изучения послужили прозвища, сбор которых осуществлялся авторами преимущественно в Гродненской области, для которой характерно этноконфессиональное и этноязыковое разнообразие, в полевых условиях на протяжении более трех десятилетий в ходе диалектологических экспедиций, учитывались также личные записи неофициальных имён, зафиксированных в процессе бытового общения с носителями гродненских говоров.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что семантическое разнообразие прозвищ рассматриваемой группы вызвано взаимодействием в речи лексических элементов, словообразовательных средств белорусского и русского языков.

Установлено, что среди прозвищ, возникших на основе восприятия внешнего вида человека, частотными являются единицы, противопоставленные по признаку ‘толстый – худой’ (*Дроцік* ‘прозвище худощавого человека’; *Бочачка* ‘прозвище толстого парня’ / *Батон* ‘прозвище полноватой женщины’; *Оглобля* ‘прозвище тощей пожилой женщины’); ‘высокий – низкий’ (*Бусел* ‘прозвище высокого парня, с длинной шеей’; *Велькалён* ‘прозвище высокого, проворного мужчины’ / *Амбал* ‘прозвище мужчины высокого роста’; *Гном* ‘прозвище пожилого невысокого роста мужчины’), либо одновременно совмещающие в семантической структуре признаки роста и полноты или худощавости (*Дранка* ‘прозвище высокого мужчины, худощавого телосложения’; *Калодачка* ‘прозвище полного мужчины, невысокого роста’ / *Балеринка* ‘прозвище худой женщины невысокого роста’; *Колобок* ‘прозвище полной женщины, невысокого роста’; *Баба-гром* ‘прозвище крепкой, полной и рослой женщины’). Такие единицы не только называют человека, но и оценивают его, вызывают определённые ассоциации у окружающих. За экспрессивно-характеристической стороной подобных наименований видится белорусская интерпретация действительности, при этом прозвища приобретают национально-культурные коннотации.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. ИОАННА НАУМОВИЧА В РОССИИ

Суляк С. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Наумович Иоанн Григорьевич (14 (16) января 1826 – 4 (16) августа 1891) – галицко-русский священник, общественно-политический деятель, писатель, журналист, историк, один из лидеров галицко-русского Возрождения Галицкой Руси.

Родился 14 января 1826 года в с. Козлове Каменка-Струмиловского повета (уезда) коронной земли Королевства Галиции и Лодомерии. Его отец служил учителем в местечке Бужске. Закончив гимназию во Львове, в 1844 г. Иоанн Наумович поступил в духовную семинарию. Изгнанный оттуда в 1848 г. за политическую деятельность и ополченный, как почти все его сверстники, он вернулся к родителям. Во время пропаганды идей возрождения Польши среди крестьян-русинов, которую они встретили враждебно, произошёл случай, изменивший его мировоззрение. Один крестьянин спросил: «Чи вы, паньчу, не русска дитына? Ваш тато ходит на службу Богу до церкви, шо вы за такой поляк?».

В 1850 г. И. Наумович снова был принят в семинарию, в 1851 г. её закончил. Стал священником и служил в приходах недалеко от Львова.

После окончания семинарии вступил в члены галицко-русской Матицы. Служа с 1856 г. в местечке Перемышляны положил начало «обрядовому движению», подхваченному другими священниками и прихожанами в Галичине.

В 1861 г. он был избран депутатом в первый Галицкий сейм от Золочевского уезда. В 1866 г. он заявил на сейме: «Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все её племена составляют один могучий русский народ». В 1873 г. после введения прямых выборов стал послом в рейхсрате. В 1874 г. основал «Общество имени Михаила Качковского».

В 1882 г. австрийские власти начали политический «процесс Ольги Грабарь». Были арестованы ряд деятелей русского движения Галичины и Угорской Руси, среди них был и о. Иоанн Наумович. Он был приговорён к 8 месяцам тюрьмы. Духовные власти отобрали у него приход, затем его отлучили от церкви. В 1883 г. он написал апелляцию к папе Льву XIII, протестуя против отлучения по обвинению в схизме.

В октябре 1885 г. о. Иоанн Наумович принял Православие. В 1886 г. с семьёй переехал в Российскую империю, в Киев. Здесь о. Иоанн занялся литературной работой, стал настоятелем храма в с. Борщаговка.

В России он написал брошюры «Как в простоте люди живут» (СПб., 1889 г.), «Христианские добродетели» (СПб., 1889 г.), «Послание к русским пчеловодам», «Какой улей рамочной системы могут заменить на юге России старые дуплянки», «Исторический очерк уний» (Киев, 1889 г.), «Червонная Русь, её прошлое и настоящее» (Киев, 1890 г.) и т.д.

Весной 1891 г. для знакомства с состоянием пчеловодства и поиска свободных земель для галичан отправился на юг России. На обратном пути прибыл 1 августа в Новороссийск, где остановился в одной из гостиниц. Утром 3 августа его неожиданно поразил апоплексический удар. Не приходя в сознание, он скончался на следующий день.

СЕМАНТИКА НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ ФРАЗЕМ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ *случай* И ИХ ЧЕШСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Ташлыкова М. Б., Бурова Е. Е.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Семантика случайности, связанная с идеей неконтролируемости, представляет интерес с точки зрения средств ее выражения в разных языках, в том числе славянских. Одним из таких средств является русское отвлеченное имя *случай*, которое, в свою очередь, может употребляться в составе различных устойчивых конструкций (фразем).

Подробное описание получила конструкция *в случае*, которая квалифицировалась как многозначный отыменный релятив¹, а также рассматривалась в контексте дифференциации значений слова *случай*².

Доклад посвящен другим предложным фраземам – *в случае чего*, *во всяком случае*, *в таком случае* – и их чешским соответствиям. Его цель – описать некоторые семантико-синтаксические свойства данных единиц и установить, как они репрезентируют семантику неконтролируемости.

В результате исследования было обнаружено следующее.

Сочетание *в случае чего* выражает пропозициональную семантику (≈ если что-то случится / произойдет) и соответствует зависимой условной клаузе. В чешском языке оно имеет разнообразные эквиваленты: *až to bude potřeba*; *v případě, že by*; *pro každý případ*; *v nejhorším případě*; *kdyby k něčemu došlo*; *v každé případnosti*; *stane-li se co*; *kdyby něco*. Это свидетельствует о специфичности данной фраземы для русского языка. Условная семантика данного сочетания и в русском, и в чешском языке подтверждает наличие семантического компонента 'неконтролируемость' в структуре значения.

Сочетание *во всяком случае* в словарях имеет несколько толкований, первое из которых связано с адвербиальной семантикой, устанавливающей синтаксическую зависимость от предиката или задающей функцию детерминанта. Во втором значении эта конструкция синонимизируется со служебной лексикой. Однако примеры показывают сложность соотнесения данной фраземы с этими двумя значениями и ее синтаксическую автономность. Самые частотные чешские соответствия – *v každém případě*, *aspoň (alespoň)*, *rozhodně*, *přinejmenším*. Однословные переводы, по значению близкие русскому вводному сочетанию *по крайней мере*, говорят о модальной семантике, связанной с выражением уверенности, которое исключает реализацию идеи неконтролируемости.

Фразама *в таком случае* характеризуется местоименной указательной семантикой, что отмечают и толковые словари. Самым частотным чешским эквивалентом этой конструкции является аналогичное в структурном отношении сочетание *v takovém (tom) případě*. Однако среди примеров обнаруживаются и однословные соответствия (*pak*, *tedy*), подтверждающие дейктическую семантику данной единицы в русском и чешском языках. Такое значение предполагает «стертость» компонента неконтролируемости в рассматриваемой фраземе.

¹ Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. С. 13–40.

² Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 250–254.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ 'ПОЛНЫЙ / ТОЛСТЫЙ МУЖЧИНА' В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА

Толстик С. А.

Томский государственный университет, г. Томск

Анализ системных лексических отношений, их эволюции в истории языка является актуальным в современной лингвистике в связи с проблемой отражения в них эволюции культурно значимых понятий, динамики языковой картины мира (Е. Л. Березович, Ж. Ж. Варбот, В. Г. Гак, Л. П. Дронова, С. М. Толстая, О. Н. Трубачев и др.).

Внешность человека относится к ключевым понятиям и является весьма важной в языковой картине мира разных народов.

Объект исследования данной работы – языковые репрезентации параметрической оценки внешности человека в русинском языке: история формирования русинского лексико-семантического поля (ЛСП) 'полный / толстый мужчина' (на материале существительных). Цель исследования – выявить историю формирования данного ЛСП.

Ядерной лексемой лексико-семантического поля 'полный / толстый мужчина' и доминантой обоих синонимических рядов является существительное *бумбела*: I нейтрально: *бумбела 1, дебела 1*, II отрицательно – *бумбела 2, дебела 2, тучняк, убляк*.

Слово *бумбела* является наиболее поздним элементом анализируемого ЛСП: оно наблюдается только в русинском языке, не отмечаясь в других славянских языках. Лексика с корнем *дебел-* сохраняет семантику полноты как актуальную в основном в восточном и южном славянском ареале, лексика с корнем *туч(н)-* имеет значение полноты человека в восточнославянских языках и церковнославянском. Лексические единицы с корнем *убл-/обл-* являются общеславянскими в значении 'круглый', но исследуемое значение параметрической оценки внешности 'полный, толстый' отмечается только в древнерусском, старочешском языках и в ряде русских говоров (Курск., Орл., Дон., Арх., Краснояр.).

Русинское ЛСП частично сохраняет следы славянского представления о полноте как о признаках наличия подкожного жира, раздувания, увеличения (*тучняк, бумбела*), так и о силе, крепости, здоровья (*дебела*). Жирный и круглый человек (*тучняк* и *убляк*) эстетически непривлекателен, поэтому, по всей видимости, эти русинские слова в современный период сохранили только отрицательную оценку.

В анализируемом ЛСП представлена заимствованная лексема: церковнославянизм с корнем *туч(н)-* в значении полноты, что говорит о частичном влиянии на формирование русинского поля инославянского (церковнославянского) культурно-языкового наследия.

ПОЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА И ЭМБЛЕМАТИКА В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Шестаков Л. А.

Волгоградский социально-педагогический университет, г. Волгоград

В рамках магистратуры по общему и славяно-русскому языкознанию в Волгоградском социально-педагогическом университете преподаются 3 славянских языка: польский, чешский и болгарский. Работает Центр славянской культуры «Славия», функционирует ансамбль славянской песни «Слово славное».

Преподавание славянских языков осуществляется на широком культурном фоне. Государственная символика и эмблематика стран изучаемых языков преподается как в историко-этнографическом ключе – в форме легенд о происхождении страны, появлении ее герба и флага, использования исторических символов в новой политической ситуации, так и в форме отражения государственной символики и эмблематики в польской литературе.

Знаменитые легенды о трех исторических столицах Польши (Гнезно, Краков, Варшава) и о гербе Варшавы даются магистрантам на польском языке: «Legenda o Białym Orle», «Legenda o Smoku Wawelskim», «Legenda o Warsie i Sawie», «Legenda o Syrence». Приводятся существующие исторические параллели к данным текстам: «*Według Kroniki wielkopolskiej (XIII wiek) Słowianie są potomkami Pana, księcia pannońskiego. Miał trzech synów – Lecha (młodsze), Rusa i Czecha (starsze). Legenda sugeruje wspólny rodowód Polaków, Czechów i Rusinów i ilustruje fakt, że już w XIII wieku co najmniej trzy różne ludy słowiańskie były świadome swoich powiązań etnicznych i językowych. Legendy zbiegają się również w lokalizacji ojczyzny wczesnych ludów słowiańskich w Europie Wschodniej*»; «*Najpopularniejsza legenda o Smoku Wawelskim opowiada o Krakowie za panowania króla Krakusa (Grakcha)*»; «*Opowieść o tym, jak Aleksander Wielki zabił smoka siarką w powieściach o królu Aleksandrze, przetrwała tylko w wersji syryjskiej z VII wieku*» и т.п.

К текстам, касающимся государственной символики и традиций Польши, даётся не только исторический комментарий. Приводятся примеры продолжения исторических традиций в наше время. Так, после текста о Krakowskim hejnale как национальном символе, отсылающем к монголо-татарскому нашествию 1241 г. войск Субутая, приводится пример исполнения хейнала после победы Польши в битве под Монте Кассино 18 мая 1944 г., а также замены его на песню «Łzy matki» – «Слезы матери» после кончины папы Римского Яна Павла II и катастрофы государственного самолета Польши под Смоленском.

Особую роль играет отражение польской символики и эмблематики в польской литературе. Конечно, это «Katechizm polskiego dziecka» Władysława Belzy («Катехизис польского ребенка» В. Белзы): – *Kto ty jesteś? – Polak mały. – Jaki znak twój? – Orzeł biały. – Gdzie ty mieszkasz? – Między swemi. – W jakim kraju? – W polskiej ziemi...*

Это, пожалуй, самое пронзительное стихотворение о польском флаге – «Pieśń o fladze» Konstantego Ildefonsa Gałczyńskiego («Песнь о флаге» К. Галчинского), которое поэт написал в 1944 г. в концлагере Altengrabow под Магдебургом, когда узнал о поражении Варшавского восстания. «Песнь о флаге» – диалог польских флагов периода второй мировой войны, не оставивших поле боя:

*Zostaniesz biało-czerwona
jak wielka zorza szalona,
czerwona jak puchar wina,
biała jak śnieżna lawina,
najukochańsza, najmiłsza,
biało-czerwona.*

По флагам стреляет карабин, но и оставшиеся на древке лоскутки остаются символом страны:

*Tak mówiły do siebie flagi
i raz po raz strzelił karabin,*

*zrobił dziurę w czerwieni i w bieli.
Lecz wołały flagi: – Nie płaczcie!
Choćby jeden strzępek na maszcie,
nikt się zmienić barw nie ośmieli.
Zostaniemy biało-czerwone,
flagi święte, flagi szalone,
nie spoczniemy biało-czerwone...*

Курс польского языка и культуры завершается знаменитым отрывком из стихотворения Марии Конопницкой, польским национальным лозунгом:

*Nie rzucim ziemi, skąd nasz ród,
Nie damy pogrześć mowy!
Polski my naród, Polski lud,
Królewski szczep piastowy...*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ИДИШСКИХ И РУСИНСКИХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Шишигин К. А.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва

Бадер О. В.

Германская академия профессиональной подготовки и переподготовки, г. Розенхайм
(Германия)

Исследование проведено на материале префиксальных глаголов (карпато)русинского языка и (восточного) идиша.

1) **Общие экстра- и интралингвистические черты**, позволяющие характеризовать восточнославянский русинский язык и западногерманский идиш как микроязыки¹. С ареальной точки зрения, карпаторусинский – язык периферийно-островной, т.к. он функционирует частью в ином этноязыковом окружении, как и идиш в странах восточной Европы, не граничащих с Германией. Идиш в странах северной Европы, бывшего СССР и Балтии – язык островной, т.к. географически он оторван от языка-основы (немецкого). По интралингвистическим параметрам, как то связь с языком-основой и графика, русинский и идиш специфичны: в русинском отчетливо прослеживаются восточнославянские черты и высокая степень взаимопонятности с белорусским, русским и украинским, в том числе ввиду кириллической графики; идиш, имея существенную часть черт немецких, значительно удалился от немецкого языка-основы, во многом утратил с ним взаимопонятность, в том числе в результате библейско-ивритской и польско-восточнославянской гибридизации и ввиду еврейской графики.

2) **Словообразование префиксальных глаголов** также обнаруживает общее и специфическое. Одна из общих черт – происхождение русинских и идишских префиксов из языков-основ (древневосточнославянского и средневерхненемецкого соответственно, при наличии небольшого количества латинских префиксов типа русин. *pe-* и ид. *re-*²), например: русин. *пудложити* и ид. *unterleygn* ‘подложить’, где *пуд-* и *unter-* – префиксы соответственно древневосточнославянского и средневерхненемецкого происхождения с семой <низ>, *ложити* и *leygn* – производящие глаголы со значением ‘класть’. Специфическое в идише – унаследованное из средневерхненемецкого свойство префиксов быть неотделяемыми (например, *tse-*), отделяемыми (*op-*) или отделяемо-неотделяемыми (*unter-*); все же русинские префиксы – неотделяемые.

3) **Семантика** обнаруживает, например, следующие общие типы русинских и идишских глаголов, в частности с префиксами *do-* и *der-*: исчерпывающая манипуляция (например: *донечи*, *derbakn* ‘допечь’), достижение цели продолжительного действия / процесса (*добивати ся*, *derbiven zikh* ‘добиваться’), добавление гомогенного объекта (*доливати*, *dergishn* ‘доливать’). Общие сематические типы являются результатом польско-восточнославянской гибридизации немецкого языка-основы идиша. Специфическое в идише – наличие пласта префиксальных глаголов немецкой семантики, в частности таких типов, как: выход наружу (*derzen zikh* ‘показаться, выйти’), начало восприятия (*derhern* ‘услышать’), каузация состояния (*dervaremen* ‘согреть’), которые отсутствуют в русинском.

¹ Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981. 324 с.

² Здесь и далее используется англоязычная научная транскрипция Института идишских исследований YIVO.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Щербачук Л. Ф.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Одним из центральных понятий лингвокультурологической научной парадигмы и базовым семиотическим термином учёные определяют код культуры. В исследованиях Е. Л. Березович, Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, В. Н. Телия и др. код культуры выступает как знаковая реализация архетипов сознания и как тип культурной памяти определённого этнического сообщества. Организация культурных знаков в код культуры по тематическому принципу позволяет выделить наряду с другими анималистический код культуры.

Фразеологизмы являются одними из наиболее эффективных средств образности, результатом объективации национального сознания, осмысления действительности. Ключевым звеном культурной интерпретации, по мнению М. Л. Ковшовой, является соотношение фразеологизма через его компоненты с тематическими кодами культуры, где культурные смыслы получают своё подтверждение¹. Согласно А. Вежбицкой, «фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры»².

Безусловно, фразеологический образ формируется на основе представлений человека о том или ином животном в определённой лингвокультуре. Зоонимы, как единицы анималистического кода, помогают в выявлении специфики той или иной культуры и языка, т.к. весь окружающий человека мир воспринимается им сквозь призму национального мифологического мышления.

Теоретические основы современных исследований фразеологии заложены в работах Н. Ф. Алефиренко, В. В. Виноградова, В. П. Жукова, А. В. Кунина, К. Кусала, В. М. Мокиенко, А. И. Молоткова, Е. Невзоровой-Кмеч, С. Скорупки, О. Н. Спалек, В. Хлебды, В. Н. Телия, Н. М. Шанского и др. уч.

Предлагаемое исследование посвящено анализу национальных особенностей метафоризации анималистического кода культуры в русской и польской фразеологии. Фиксация фразеологизмов с компонентами-зоонимами как языковых единиц вторичной номинации является доказательством значимости животных в жизни Homo sapiens.

В ходе анализа нами выявлен ряд фразеологизмов как с одинаковыми, так и разными компонентами-зоонимами, которые аналогично метафоризируются в двух языках (*дарёному коню в зубы не смотрят* – *darowanemu koniowi nie zagłada się w zębu*, *кот наплакал* – *pies napłakał*, *кошки скребут* – *robak kogoś gryzie*, *медведь на ухо наступил* – *słoń nadszedł komuś na ucho* и др.). Кроме того, зафиксированы зоонимы в составе фразеологизмов с отличительной символизацией (*robić kogoś w konia*, *mieć węża w kieszeni* и др.).

Национальная специфика анималистического кода культуры проявляется в репрезентации посредством фразеологии черт характера человека, его положительных или отрицательных личностных качеств (*буриданов осёл*, *валаамова ослица*, *как свинья в апельсинах*, *pracowity jak wół*, *odważny jak lew*, *dumny jak paw*, *kocie oczy*, *uparty jak osioł*, *chytry jak lis*), различных видов его деятельности (*вертеться как белка в колесе*, *оседлать своего конька*, *метать бисер перед свиньями*, *тянуть кота за хвост*, *жить как кошка с собакой*, *реветь белугой*; *zabierać się do czegoś jak pies do jeża*, *kochać kogoś jak psy dziada (w ciasnej ulicy)*, *iść jak baran na rzeź (zagładę)*,

¹ Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М. : Либроком, 2012. С. 176.

² Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Школа «Языки русской культуры», 1978. С. 255.

plakać (ryczeć) jak bóbr), а также в гендерном отношении, так как за некоторыми зоонимами в конкретном языке закрепляются смыслы, дифференцированные по половому признаку (*писать как курица лапой; pisać jak kura razurem, мокрая курица – wyglądać jak zmokła kura*).

Таким образом, анималистический код культуры, репрезентируемый фразеологическими единицами в русском и польском языках, представляет большой интерес для лингвокультурологов относительно метафоризации оценочно-образных эталонов животного мира, который отражает универсальную и национальную самобытность языков.

Список участников

Алексеева Екатерина Александровна, к.ф.н., доцент историко-филологического факультета, Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова, г. Саратов (Россия)

Алёшина Олеся Сергеевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Архипова Нина Геннадьевна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики, Амурский государственный университет, г. Благовещенск (Россия)

Бадер Оксана Викторовна, к.ф.н., преподаватель, Германская академия профессиональной подготовки и переподготовки, г. Розенхайм (Германия)

Бекасова Елена Николаевна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург (Россия)

Бобырь Елизавета Андреевна, студент кафедры зарубежной филологии и прикладных коммуникаций, Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург (Россия)

Бубнович Инна Ивановна, к.ф.н., заведующий кафедрой русской филологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Бурова Евгения Евгеньевна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Иркутский государственный университет, г. Иркутск (Россия)

Владимирова Валерия Евгеньевна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Волкова Татьяна Федоровна, к.ф.н., доцент Отделения русского языка, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск (Россия)

Вострова Юлия Александровна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск (Россия)

Голев Николай Данилович, д.ф.н., профессор кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Десятирикова Анастасия Александровна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, преподаватель, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ (КНР)

Дронова Любовь Петровна, д.ф.н., профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский

Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Дягилева Ирина Борисовна, к.ф.н., старший научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург (Россия)

Евпак Евгений Владимирович, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и
литературы, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово (Россия)

Жук Анастасия Ивановна, аспирант кафедры общей, компьютерной и
когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г. Томск (Россия), старший преподаватель
кафедры филологии Alikhan Bokeikhan University, г. Семей (Казахстан)

Иванова Ирина Евгеньевна, к.ф.н., доцент кафедры славянских языков и
культур, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г.
Москва (Россия)

Искандарова Дилоро Мукаддасовна, д.ф.н., профессор кафедры
теоретического и прикладного языкознания, Российско-Таджикский
(Славянский) университет, г. Душанбе (Таджикистан)

Каприелова Виктория Валерьевна, аспирант кафедры славянской
филологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва (Россия)

Катермина Вероника Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры
английской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар
(Россия)

Коршунова Ирина Сергеевна, ассистент кафедры, общей, компьютерной
и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г. Томск (Россия)

Крюкова Лариса Борисовна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск (Россия)

Курьянович Анна Владимировна, д.ф.н., заведующий кафедрой теории
языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный
педагогический университет, г. Томск (Россия)

Ладыгина Ольга Владимировна, д.ф.н., доцент кафедры истории и
политологии, Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар
(Россия)

Логутенкова Ольга Николаевна, к.ф.н., старший преподаватель русской
словесности, Русская Школа Пафоса, г. Пафос (Кипр)

Марьянчик Виктория Анатольевна, д.ф.н., профессор кафедры русского
языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск (Россия)

Марьянчик Элина Вадимовна, магистрант философского факультета,
Карлов университет, г. Прага (Чехия)

Михайлова Ирина Дмитриевна, к.ф.н., доцент департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, г. Москва (Россия)

Мокиенко Валерий Михайлович, д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Россия)

Монгуш Надежда Оттуковна, аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Оглезнева Елена Александровна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск (Россия)

Орлова Ольга Вячеславовна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск (Россия)

Пекунова Ирина Семеновна, научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Пивоварчик Тамара Анатольевна, к.ф.н., доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Пилипенко Глеб Петрович, к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, г. Москва (Россия)

Пименова Марина Владимировна, д.ф.н., ректор, Международный гуманитарный университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Санкт-Петербург (Россия)

Попова Лариса Владиславовна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск (Россия)

Резанова Зоя Ивановна, д.ф.н., профессор, зам. заведующего Лабораторией лингвистической антропологии, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Руднев Дмитрий Владимирович, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург (Россия)

Румянцева Ольга Сергеевна, младший научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов, Институт славяноведения РАН, г. Москва (Россия)

Савченко Александр Викторович, к.ф.н., доцент факультета славянских

языков и литератур, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй (Тайвань)

Садыкова Ирина Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры романо-германской и классической филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Серышева Юлия Вячеславовна, к.ф.н., доцент, Отделение русского языка, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск (Россия)

Сивова Татьяна Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Спливения Жанна Семёновна, к.ф.н., доцент кафедры белорусской филологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (Беларусь)

Суляк Сергей Георгиевич, к.и.н., доцент кафедры истории стран СНГ, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Россия)

Ташлыкова Марина Борисовна, к.ф.н., директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск (Россия)

Толстик Светлана Александровна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Филь Юлия Вадимовна, к.ф.н., заведующий кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Хмелевский Михаил Сергеевич, к.ф.н., доцент кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Россия)

Шестак Лариса Анатольевна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград (Россия)

Шишигин Кирилл Александрович, д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Москва (Россия)

Щербачук Лидия Федоровна, к.ф.н., доцент кафедры русского и общего языкознания, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь (Россия)